

КИРИЛЛ КОЖУРИН

Культура русского
старообрядчества
XVII — XX вв.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

Кирилл Кожурин

**Культура русского
старообрядчества XVII – XX вв.
Издание третье, дополненное**

«Издательские решения»

Кожурин К.

Культура русского старообрядчества XVII – XX вв. Издание третье, дополненное / К. Кожурин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854225-1

Книга знакомит читателя с одним из «белых пятен» русской истории — культурой русского старообрядчества, этого сложного религиозного и социокультурного явления, на протяжении трех с половиной веков являвшегося весьма влиятельным фактором русской истории и культуры. В книге анализируются основные достижения старообрядческой книжности, иконописи, архитектуры, музыкальной культуры, традиции духовного образования и меценатства.

ISBN 978-5-44-854225-1

© Кожурин К.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава первая. Основные вехи истории старообрядчества	9
1.1. Никоновская «реформация» и начало разделения Русской Церкви	9
1.2. Старообрядчество в «век Просвещения»	16
1.3. Русское старообрядчество в XIX веке	22
1.4. Судьбы старообрядчества в XX веке	25
Глава вторая. Главные духовные центры старообрядчества	33
2.1. Выговское поморское общежитие	34
2.2. Невельское федосеевское общежитие	36
2.3. Ряпина Мыза	38
2.4. Керженец	39
2.5. Гуслицы	40
2.6. Стародубье	41
2.7. Ветка	42
2.8. Иргиз	44
2.9. Преображенское кладбище	47
2.10. Рогожское кладбище	50
2.11. Малоохтинское кладбище	52
2.12. Волково кладбище	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Культура русского
старообрядчества XVII – XX вв.
Издание третье, дополненное**

Кирилл Кожурин

Художник Владимир Александрович Плотников

© Кирилл Кожурин, 2024

ISBN 978-5-4485-4225-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Церковная реформа патриарха Никона, начавшаяся в 1653 году, в конечном итоге привела к трагическому расколу русского общества на два лагеря: тех, кто вольно или невольно принял новшества, и тех, кто не пожелал их принять. В дальнейшем, в царствование Петра I, религиозный раскол был углублен за счет раскола культурного. Не желавшие изменять вере своих предков, десятки, сотни тысяч русских людей (по подсчетам историков, от четверти до трети населения Русского государства!) были названы невеждами, причислены к преступникам против церкви и против государства и обречены на церковное и царское наказание. Спасаясь от преследований, староверы устремились в непроходимые леса, на окраины государства, за его рубежи, бежали во все концы необъятной Руси: на Дон, в Сибирь, Керженец, Стародубье, Прибалтику, где основывали целые поселения, бежали в Польшу и Швецию, Пруссию и Турцию. Сегодня староверческие общины можно встретить в Австралии и Боливии, в Бразилии и на Аляске. Хранители «древлего благочестия» бросали все, кроме икон и старопечатных книг, и на новом месте, куда их кидала судьба, бережно, буквально по крупицам, возрождали Древнюю Русь.

Древнерусский человек жил в атмосфере религиозности, монастырский уклад жизни был принят в каждой благочестивой семье. Часы отсчитывали по церковным службам: заутреня, обедня, вечерня, павечерница. Свободное время посвящали молитве или чтению духовных книг – Житий святых, Прологов, Златоустов, Цветников и Маргаритов. Грамоте учились по Часовнику и Псалтырю. Идеалом древнерусского человека были подвиги аскетов-пустынников, с житиями которых он знакомился по Прологам и Патерикам. На старости лет, выполнив свои мирские обязанности и вырастив детей, многие принимали иноческий постриг. Не были исключением и лица знатные, в том числе даже члены царского дома.

С никоновскими реформами, непосредственно подготовившими дорогу последующим преобразованиям Петра I, жизнь русского человека сильно изменилась. Началась десакрализация культуры, десакрализация жизни. Под воздействием западной культуры происходит обособление культуры от церкви (секуляризация, обмирщение), превращение ее в автономную область. Это повлекло за собой расслоение русского общества. Если раньше русское общество (при всех различиях в социальном положении) в культурно-религиозном отношении было однородным, то западное влияние, по словам историка В. О. Ключевского, разрушило эту «нравственную цельность русского общества... Как трескается стекло, неравномерно нагреваемое в разных своих частях, так и русское общество, не одинаково проникаясь западными влияниями, раскололось»¹.

Со времен раскола и последовавших за ним петровских преобразований в России существовало две культуры: светская – прозападно ориентированная, укоренившаяся в центре культурной и общественной жизни, и религиозная – ориентированная национально, которая ушла на периферию национально-исторического развития. Когда говорят о русской культуре XVIII–XX веков, то подразумевают преимущественно первую культуру, лишь вскользь или вообще не упоминая о второй. Однако, оказавшись на периферии магистрального развития русской культуры, та часть русского народа, которая не приняла ни никоновских, ни петровских реформ и получила у историков название «старообрядцев», а у своих гонителей – презрительную кличку «раскольников», все же сумела сохранить прежний духовный идеал, вдохновлявший наших предков со времен Крещения Руси, и пронести его сквозь века до начала третьего тысячелетия. При этом нужно отметить, что две культуры, несмотря на резкое рас-

¹ Ключевский В. О. Сочинения в 8 тт. М., 1957. Т. 3. С. 361—362.

хождение между ними, никогда не были абсолютно изолированы друг от друга, и мы имеем многочисленные примеры их взаимовлияния.

Старообрядчество всегда оставалось хранителем традиционных православных духовных ценностей: соборности, личности, общинности, общественного блага. Сумевшее сохранить национальное самосознание русского народа в эпоху коренной ломки русской жизни и культуры в конце XVII – начале XVIII вв., староверие одновременно принесло с собой в русскую духовную культуру и ряд новых черт. Прежде всего, это учение о личной ответственности православного христианина в миру и церковной жизни, новая система духовных ценностей, санкционировавших проявление индивидуальности в человеке. Однако здесь не было протестантского отказа от прежних традиций, который на Западе, как известно, привел к принятию антихристианских ценностей и развитию буржуазной культуры. Наоборот, хранители «древлего благочестия», опираясь на святоотеческую традицию, сумели увидеть то главное, что было изначально заложено в христианстве: новую антропологию, понимаемую как христология. Они сумели не только сохранить старое, не только исполнить Закон, но и наполнить его новым смыслом, а точнее – раскрыть этот смысл. Этот факт лишний раз доказывает известную максиму: лишь опираясь на старое, можно создать что-либо новое.

Сегодня, когда российское общество в очередной раз находится на перепутье, а вокруг не смолкают споры о моделях экономического, политического и социального развития страны, становится очевидным, что многие наши современные проблемы своими корнями уходят в церковный раскол XVII века. Многие уже не отрицают того факта, что у каждой цивилизации свой самобытный путь. Каков же путь России? С одной стороны, в современном мире становится все более ясной невозможность культурной изоляции, существования русской цивилизации вне остального мира, а с другой – не менее очевидна и невозможность полного растворения в современной стандартизированной культуре. Культура старообрядчества интересна для нас, людей XXI столетия, не просто как осколок прошлого, «живой остаток древней русской культуры, сохранивший ее замечательные достоинства» (Д. С. Лихачев), но и как возможный путь развития русской культуры в будущем. Не следует забывать, что история старообрядчества – это альтернативная история, развивавшаяся параллельно с процессами вестернизации в России.

В русском старообрядчестве в силу ряда исторических причин парадоксальным образом соединились принципиальный традиционализм и постоянная необходимость прибегать для его осуществления к разнообразным новациям. Как отмечает современная исследовательница, «именно эта исторически обоснованная подвижность блистательно осуществилась в многочисленных технических открытиях, в прогрессивности промышленной и финансовой деятельности сотен широко известных как в центре, так и почти во всех окраинах России старообрядческих торгово-промышленных родов и семей»². И в этом плане русское старообрядчество, на наш взгляд, требует более пристального внимания к себе.

Предлагаемая читателю книга состоит из двух глав: в первой главе вкратце излагается история старообрядчества после раскола, а во второй рассматриваются основные достижения старообрядческой культуры и вклад староверов в общенациональную культуру. Мы сочли необходимым дать краткий исторический очерк в силу ряда причин. Изучение старообрядчества и его роли в духовной культуре России в синодальный период вплоть до революции 1905 г. по идеологическим причинам было затруднено. Сама тема, как со стороны церковно-правительственных идеологов, так и со стороны революционно настроенной оппозиции, освещалась достаточно тенденциозно. Не хватало объективности в анализе этого явления. В так называемое золотое десятилетие старообрядчества (1905—1917), начавшееся с изданного царем

² Поздеева И. В. Личность и община в истории русского старообрядчества // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 6—7.

Николаем II 17 апреля 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости», была предоставлена возможность открыто заговорить о себе самим старообрядцам: появился ряд весьма ценных исследований на данную тему (работы Л. Ф. Пичугина, Т. С. Тулупова, Ф. Е. Мельникова, В. Г. Сенатова, И. А. Кириллова и др.). После революции 1917 г. в отечественной историографии старообрядчества возобладали иные тенденции. Теперь старообрядчество стали рассматривать сквозь призму новой идеологии, насильственно пытаясь втиснуть многие исторические факты в готовые идеологические схемы. При этом одни какие-то стороны старообрядчества замалчивались, другие – наоборот, выпячивались. И лишь в недавнее время начали складываться предпосылки для более или менее спокойного и объективного анализа данного явления.

Но, к сожалению, и в ряде новых изданий часто можно встретить бездумно употребляемые штампы, заимствованные из дореволюционной и советской историографии, некритический перепев чужих мнений и оценок. Эти мнения и оценки кочуют из книги в книгу и продолжают умножать то облако лжи, которое сознательно создавалось вокруг старообрядцев их оппонентами. Одной из задач данной книги является максимально объективное рассмотрение такого сложного явления русской духовной культуры, как старообрядчество, и ознакомление с его основными достижениями.

Глава первая. Основные вехи истории старообрядчества

1.1. Никоновская «реформация» и начало разделения Русской Церкви

В 1652 году патриархом Московским и всея Руси стал Новгородский митрополит Никон (Никита Минов), который при поддержке царя Алексея Михайловича принялся за активное реформирование Русской Церкви. В чем заключалась суть никоновской (а в действительности алексеевской, поскольку главным инициатором был царь и его ближайшее окружение) «реформации»³? Формальным поводом явилось исправление якобы неисправных богослужебных книг. Реформаторы утверждали, что со времени принятия христианства при князе Владимире в богослужебные книги по вине переписчиков вкралось такое множество ошибок, что необходима серьезная правка. Эта мысль явилась из сличения оригиналов и переводов. Но что в данном случае принималось за оригинал? Историки убедительно доказали, что оригиналом служили новые богослужебные греческие книги, напечатанные в иезуитских типографиях в Венеции! (Греки тогда находились под игом турок-османов и собственных типографий не имели.) Помимо того, что за шесть с лишним веков, прошедших со времени Крещения Руси, греки, заразившись духом католицизма, сами существенно изменили чинопоследования некоторых служб, к этим изменениям добавлялись еще сознательные догматические искажения, внесенные хозяевами типографий – иезуитами. «Трагедия расколоторческой реформы, – пишет современный исследователь старообрядчества М. О. Шахов, – в том и состояла, что была предпринята попытка „править прямое по кривому“, провозгласив содержавшие погрешности формы религиозного культа позднейшего времени древнейшими, единственно верными и единственно возможными, а всякое отклонение от них – злом и ересью, подлежащей насильственному уничтожению»⁴.

Со временем стало ясно, что Никон хочет не просто исправления каких-то погрешностей переписчиков, а изменения всех старых русских церковных чинов и обрядов в соответствии с новыми греческими. И действительно, изменений было множество. Перечислим лишь некоторые, наиболее важные с точки зрения православного вероучения:

1. Древняя, унаследованная еще от византийцев, форма перстосложения при крестном знамении (двоперстие) была заменена на троеперстие. В толковании двоеперстного крестного знамения два протянутых перста означают две природы Христа (Божественную и человеческую), а три (пятый, четвертый и первый), сложенные у ладони, означают Троицу. Введя троеперстие (означающее одну Троицу, в то время как два оставшихся пальца оставались, по новому толкованию, «праздными», т. е. ничего не обозначали), Никон не только пренебрегал догматом о Богочеловечестве Христа, но и вводил «богострастную» ересь (т. е., по сути, утверждал, что на кресте страдала не только человеческая природа Христа, а вся Троица).

2. Трисоставный восьмиконечный крест, который издревле на Руси был главным символом православия, был заменен двусоставным четырехконечным, ассоциировавшимся в созна-

³ Мы употребляем слово «реформация», а не просто «реформы», поскольку речь шла именно о нововведениях и радикальном переустройстве всей Русской православной церкви, а не просто о каких-то маловажных «исправлениях». И в этом смысле реформация, начатая Никоном, и ее результаты имеют ряд близких параллелей с протестантским движением Реформации в Европе.

⁴ Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2002. С. 87.

нии православных людей с католическим учением и испокон веков называвшимся на Руси «латинским крыжом». После начала реформы восьмиконечный крест был назван «брынским» или «раскольническим» и изгонялся из церкви.

3. Молитвенный возглас – ангельская песнь «аллилуйя» – стал четвериться у никониан, поскольку они поют трижды «аллилуйя» и четвертое, равнозначное, «Слава Тебе, Боже». Тем самым нарушается священная троичность.

4. В исповедании православной веры – Символе веры, молитве, перечисляющей основные догматы христианства, из слов «в Духа Святого Господа истинного и животворящего» изъято слово «истинного» и тем поставлена под сомнение истинность Третьего Лица Святой Троицы, из сочетания «рожденна, а не сотворенна» выброшен союз «а» – тот самый «аз», за который многие готовы были погибнуть. Исключение «а» могло мыслиться как выражение сомнения в нетварной природе Христа. Вместо прежнего утверждения «Его же царствию несть (т. е. нет) конца» введено «не будет конца», то есть бесконечность царствия Божия оказывается отнесенной к будущему и тем самым ограниченной во времени.

5. В никоновских книгах было изменено само написание имени Христа: вместо прежнего Иисус было введено Иисус, причем единственно правильной была объявлена исключительно вторая форма, что возводилось новообрядческими богословами в догмат.

6. Во время крестных ходов, таинств крещения и венчания новообрядцы стали ходить против солнца, в то время как, согласно церковному преданию, это полагалось делать по солнцу (посолонь), вслед за Солнцем-Христом.

7. При крещении новообрядцы стали допускать и даже оправдывать обливание, вопреки апостольским постановлениям о необходимости крещения в три погружения (50-е правило св. Апостолов).

8. Литургию теперь стали служить на пяти просфорах, утверждая, что иначе «не может быть сущее тело и кровь Христовы» (по старым правилам служить следовало на семи просфорах).

9. Вместо древнего пения было введено новое итальянское, а новые иконы стали писать не по древним образцам, а по западным, отчего они стали более похожими на светские картины, чем на иконы. Все это способствовало культивированию в верующих нездоровой чувственности и экзальтации, ранее не свойственной православию.

10. Впоследствии новообрядцы уничтожили древнее каноническое церковное устройство и признали светскую власть главой церкви.

11. В новообрядческой церкви был отменен древний обычай избрания духовных лиц приходом. Его теперь заменили постановлением по назначению сверху и вдобавок светскими лицами.

Были и другие новшества, которые со временем все более умножались. Так, если в «Поморских ответах» (начало XVIII в.) перечисляется 58 статей, по которым реформированная новообрядческая церковь отличалась от древлеправославной, то к концу XVIII столетия в старообрядческом трактате «Щит веры» перечисляется уже 131 вид изменений! Новшества росли, словно снежный ком. При этом многие древние чинопоследования церковных таинств были существенно сокращены и изменены (чин крещения, покаяния, венчания, хиротоний), а некоторые древние чины и вовсе упразднены (чин омовения трапезы, омовения святых мощей, причащения богоявленской водой, пострижения инокини, братотворения, чин «хотящему затвориться», чины пещного действа, начала индикта). Одновременно вводились новые, неизвестные православию чинопоследования, заимствованные из Требника митрополита Киевского Петра Могилы, образцом для которого, в свою очередь, служили католические требники.

Но самое главное – это изменение в *духе* Церкви. После Никона новообрядческая церковь утрачивает дух соборности, подпадает под власть государства и вынуждена прогибаться

при каждой новой смене правительства, изменяя при этом и приспособлявая к новым веяниям свое учение – вплоть до наших дней. Наподобие католической церкви, новообрядческая церковь разделяется на «церковь учащую» и «церковь учимую». Согласно позднему богословию новообрядческой церкви, истинная церковь – это иерархия, епископы и священники, а народ – ничто в церкви, и его дело – беспрекословно подчиняться решениям иерархии, даже если они противоречат духу Христовой веры. Ни о какой выборности священства и епископата, как было в древней Церкви, и речи быть не может. Все это способствовало появлению в русском народе лжепослушания и лжесмирения. Далее появились и еще более отвратительные явления в жизни церкви: совершение таинств за деньги, нарушение тайны исповеди (что прямо предписывалось «главой церкви» – императором Петром I), совершение таинств над людьми неверующими, приходящими креститься и венчаться «по традиции» или «на всякий случай», коммерциализация и секуляризация церкви...

Чем же руководствовались Никон и стоявший за его спиной царь, предпринимая столь неслыханные по своему масштабу реформы? Что толкало их к столь решительному разрыву со всей прежней богослужебной традицией, освященной авторитетом многочисленных русских святых? Соображения, которыми руководствовались реформаторы, были исключительно политическими и к духовной жизни никакого отношения не имели. Перед прельщенными взорами царя и патриарха заманчиво блистал византийский венец. И Никон, и Алексей Михайлович грезил об освобождении Константинополя от турок и о византийском престоле. Льстивые восточные патриархи, регулярно приезжавшие в Россию за щедрой царской «милостыней», рисовали картины земного торжества православия, обещая царю восстание поработенных греков и славян в ответ на объявление Россией войны турецкому султану. Русский царь должен был занять престол Константина Великого, а московский патриарх Никон – стать вселенским патриархом. Но для достижения территориального единства православных народов требовалась лишь одна незначительная «мелочь»... Сначала надо было прийти к единству обрядовому, поскольку русские обряды того времени сильно отличались от греческих.

Поразительно, но сценарий никоновских реформ мы находим еще в 1605 году! В тайной инструкции самозванцу Лжедмитрию I о том, как ввести унию с католиками в России, то есть, по сути, подчинить русских власти римского папы, иезуиты писали:

«д) Самому государю заговаривать об унии редко и осторожно, чтоб не от него началось дело, а пусть сами русские первые предложат о некоторых *неважных предметах веры* (курсив мой. – К.К.), требующих преобразования, и тем проложат путь к унии;

е) издать закон, чтобы в Церкви Русской *все подведено было под правила соборов отцов греческих*, и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии: возникнут споры, дойдут до государя, он назначит собор, а там можно будет приступить и к унии;

з) намекнуть черному духовенству о льготах, белому о наградах, народу о свободе, всем – о рабстве греков;

и) учредить семинарии, для чего призвать из-за границы людей ученых, хотя светских»⁵.

Нужно сказать, что политика иезуитов в царствование Алексея Михайловича увенчалась успехом. Россия была расчленена – если пока не физически, то духовно уж точно: Русская Церковь раскололась, причем та ее часть, которая приняла реформы и пользовалась поддержкой правительства, на столетия заразилась духом латинства, а впоследствии – и протестантизма, усвоив многие западные обычаи и догматы.

Но была и другая часть, получившая у историков название «старообрядцев». Что и говорить, название неточное, поскольку это название суживает понятие исключительно до внешних сторон религии, тем более что само слово «обряд» было введено уже в петровские времена. Но любая попытка дать определение тому духовному движению, которое противостояло

⁵ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. Т. 10. С. 93.

реформаторам, будет нести на себе следы той или иной идеологической позиции. Так, например, вплоть до начала XX в. во всей литературе, издаваемой синодальной церковью, церковные и светские ученые для обозначения старообрядчества использовали термин «раскол», а старообрядцев называли «раскольниками». О старообрядцах говорили как об «отделившихся», «отколовшихся» от Русской Православной Церкви. Подобные же определения повторяются практически во всех современных религиозных исследованиях и справочных изданиях. Однако данные определения противоречат важнейшим положениям старообрядческой религиозной доктрины, согласно которой старообрядчество никогда не отделялось от Православной Церкви и, как ее часть, возникло в I в. н. э. вместе с основанием христианства. Гораздо корректнее определение, предлагаемое М. О. Шаховым: **«Старообрядчество (или староверие) – общее название русского православного духовенства и мирян, отказавшихся принять реформу, предпринятую в XVII в. патриархом Никоном, и стремящихся сохранить церковные установления и традиции древней Русской Православной Церкви»**⁶.

Как бы то ни было, трещина в русском обществе XVII века, разделившая его на старообрядцев и новообрядцев, проходила гораздо глубже обрядовых различий, сколь бы ни были они важны для средневековой картины мира. Как отмечают современные авторы, «смысл раскола сосредотачивался вокруг реформ Никона, связанных с исправлением книг религиозного содержания и изменением некоторых обрядов. Однако эти конкретные факты, случись они раньше или позже, могли бы оказаться незамеченными. Значит, в них проявилось нечто большее, а именно, столкнулись две традиции в понимании веры и в видении церкви, а следовательно, две картины мира, которые культурному канону в его средневековом варианте удавалось примирять. То, что раскол имел такой общественный резонанс, означает, что на новом витке истории, когда не только государство, но и вся русская цивилизация переживала надлом, когда в этой цивилизации становится предельно активной личность, притягательной оказывается традиция в русском православии, являющаяся демократической (то есть старообрядчество. – К. К.). Если проводить параллели с XX веком, то, по сути дела, уже в XVII веке Россия переживала нечто, предвосхищающее революцию начала нашего столетия и последующую за ней гражданскую войну, сопровождавшуюся истреблением огромной массы соотечественников, изгнанием их в другие страны, переселением на другие территории»⁷.

После начала церковных реформ многие православные священники и простые верующие не согласились принять нововведения и отказались признавать законность новообрядческой иерархии. Упорство русских людей в сопротивлении реформам вызвало волну преследований и казней со стороны правительства и господствующей церкви. Первой жертвой пал епископ Коломенский Павел, единственный из архиереев не побоявшийся открыто выступить против властолюбивого и гордого патриарха и без соборного суда лишенный за это кафедры. На соборе 1654 года Никон собственноручно избил епископа Павла, сорвал с него мантию и велел немедленно отправить в ссылку в далекий северный монастырь. Там епископ был подвергнут тяжелым мучениям, а затем, как гласит предание, заживо сожжен в срубе. Вслед за епископом Павлом в ссылки отправились и другие активные противники реформ – протопопы Иван Неронов, Аввакум, Логгин и Даниил.

⁶ Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение. С. 53. Основные достоинства этого определения налицо: во-первых, оно отражает идейную сущность старообрядчества как *религиозного* движения верующих, стремящихся исповедовать православие, сохраняя верность его догматам и канонам; во-вторых, фиксируя отсутствие церковно-канонического единства старообрядчества с новообрядчеством, данное определение не затрагивает спорного вопроса о том, кто именно отделился от православной церкви – реформаторы или старообрядцы; наконец, в-третьих, отмечая наличие нескольких старообрядческих религиозных организаций, не признающих каноничности друг друга, это определение ограничивается констатацией их общего намерения сохранить церковные установления и традиции древней Русской православной церкви и не дает оценок успешности этих стремлений.

⁷ Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 312.

Властолюбие и гордость Никона, стремившегося стать в православном мире тем же, кем в мире западном был римский папа, вскоре привели его к разрыву даже с поддерживавшим его царем Алексеем Михайловичем, и в 1658 г. он самовольно оставляет патриарший престол, бросая таким образом свою паству на произвол судьбы. Никон думал, что его будут упрашивать вернуться назад, но царю и его окружению он уже был не нужен. «Мавр сделал свое дело» – маховик реформы был запущен.

С устранением от церковных дел Никона ситуация в Русской Церкви не улучшилась. Новый собор 1666—1667 гг. с участием заезжих восточных патриархов, которые, как оказалось впоследствии, сами уже давно были низложены со своих престолов собором епископов и поэтому не имели никакого канонического права решать русские церковные дела, осудил и Никона, и старые обряды. Вся многовековая традиция русской святости была поругана и предана проклятиям. Чтобы заставить русский благочестивый народ принять новую веру и новые книги, собор, прозванный в народе «разбойничьим», благословлял подвергать ослушников соборных определений тягчайшим мучениям: заточать их в тюрьмы, ссылать, бить говяжьими жилами, отрезать уши, носы, вырезать языки, отсекал руки. Мучения и казни совершались в различных частях Русского государства. Были замучены инок Авраамий (1672), боярыня Морозова, княгиня Евдокия Урусова, Мария Данилова (1675). В 1668 г. началась осада царскими войсками главной святыни Русского Севера – Соловецкого монастыря, закончившаяся в 1676 г. его взятием и жестокой расправой над непокорными монахами (противостояние Соловецкого монастыря церковным и светским властям продолжалось с 1658 по 1676 г.). Другие вожди староверия: протопопы Аввакум и Лазарь, дьякон Федор, инок Елифаний – были сосланы в далекий Пустозерск, находившийся за Полярным кругом, и там впоследствии сожжены.

Увлеченное «греческим проектом» правительство и покорные ему церковные иерархи жестоко преследовали людей старой веры: повсюду горели костры, людей сжигали сотнями и тысячами, резали языки, рубили головы, ломали клещами ребра, четвертовали. Все те ужасы, которые были хорошо известны русскому человеку из житий святых мучеников, пострадавших во времена языческого Рима, теперь стали страшной явью.

«Определения собора 1666—1667 гг. были настолько ошеломляющими, в них было так много бессмыслия и безумия, что русский народ счел их за „дьявольское наваждение“. Многие думали, что это временный туман, который должен скоро рассеяться»⁸. Однако этого «тумана» не смогла рассеять даже смерть 29 января 1676 г. (то есть через неделю после взятия Соловецкого монастыря) главного инициатора церковных реформ – царя Алексея Михайловича. Его наследник царь Федор Алексеевич (ум. 1682) продолжил политику отца. А в 1685 г. правившая в то время Россией царица Софья и патриарх Иоаким утвердили «12 статей о борьбе с расколом», получивших в истории название «драконовских». Согласно этим статьям, сторонники старой веры подлежали сыску и казни. От всех русских людей требовалось под угрозой сожжения в срубе веровать не так, как установила древняя Церковь, а как приказывает новое начальство. Суть новой веры хорошо выразил новообрядческий патриарх Иоаким: «Я не знаю ни старой, ни новой веры, но что велют начальницы, то я готов творить и слушать их во всем».

Духовенство и гражданское правительство беспощадно истребляли своих же родных братьев – русских людей. Пощады не было никому: убивали не только мужчин, но и женщин, и даже детей. Русские люди при этом являли необычайную силу духа, многие шли на смерть смело и решительно, подобно первым христианам. «Чудо! как то в познание не хотят прийти! – писал протопоп Аввакум. – Огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которое то апостолы научили так? – не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Татарский бог Магомет написал

⁸ Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 97—98.

в своих книгах сие (так): непокоряющихся нашему преданию и закону повелеваем их главы мечом подклонить. А наш Христос ученикам Своим никогда так не повелел»⁹.

В прямой связи с резким обострением гонений в 80-е гг. XVII в. стоит и такая важная проблема в истории старообрядчества, как самосожжения. Церковные историки XIX в. видели в массовых самосожжениях склонность старообрядцев к самоистреблению и даже преступление против христианских заповедей, светские же историки все пытались свести к слепому фанатизму. Однако в свете выявленных в недавнее время архивных документов ситуация представляется совершенно иной. Самосожжения были шагом отчаяния, ведь старообрядцы поджигали свои избы только в безвыходной ситуации, когда их поселения были окружены воинской командой. Если же старообрядцы попадали в руки солдат и отказывались переменить свои убеждения, их не ожидало ничего иного, кроме смертной казни в том же горящем срубе.

В атмосфере жестоких гонений неизбежно возникал вопрос: как жить дальше? Многие ожидали конца света, полагая, что уже наступили последние времена, видели в патриархе Никоне предсказанного в Библии антихриста. Необходимо было осознать происходящее и вынести оценку реформам с точки зрения православной традиции. Еще в 1656 г. в Поморье, в Куржецкой обители, состоялся собор, на котором было решено не принимать от новообрядцев никаких церковных таинств. Под решениями собора стоят подписи многих авторитетных церковных деятелей (в том числе нескольких епископов). 8 июля 1658 г. состоялся Соловецкий монастырский собор, который вынес решение: «Новых книг не принимать, по ним не служить и за отца архимандрита стоять...»

В дальнейшем страшные гонения, невозможность собираться вместе для выработки единого соборного мнения явились причиной разделения старообрядцев на толки, или согласия¹⁰. Особенно остро стоял вопрос о священниках. После расправы над епископом Павлом Коломенским весь русский епископат, уstraшенный его участием, оказался на стороне реформаторов. Епископов-староверов не осталось, следовательно, новых священников рукополагать было уже некому, а старые постепенно умирали. Неизбежно возникал вопрос о дальнейшей судьбе Русской Церкви. Собственно, поиски ответа на этот вопрос привели к разделению в старообрядчестве. Часть ревнителей старой веры пришла к выводу, что с 1666 г. (эта дата была предсказана в авторитетной для старообрядцев «Книге о вере») в мире воцарился антихрист и настали последние времена, а как следствие этого – священство лишилось благодати и некоторые церковные таинства безвозвратно утрачены. Следовательно, исповедники православия должны бежать от мира, беречься его соблазнов и, сохраняя себя в чистоте и непоколебимой преданности старине, дожидаться Страшного Суда. Это мировосприятие стало основой общества староверов, не имеющих священства («беспоповцев»). Другая часть староверов, признавая, что с никоновской «реформации» официальная церковь отошла от истины, все же сочла возможным (после совершения соответствующего чина, «исправы») принимать от нее священнослужителей в сущем сане. Это направление условно стали называть «беглопоповским» (или просто «поповским»). Но еще примерно до середины XIX в. в некоторых старообрядческих согласиях была жива вера в то, что где-то существует истинное священство и сохранилось православное царство – так появились легенды о Беловодье и о невидимом граде Китеже. Староверы различных согласий принимали участие в совместных соборах, обсуждавших проблемы

⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 108.

¹⁰ «Согласие, соглас – термин не строго определенного значения, подразумевающий крупное разделение старообрядчества по вероучительным признакам на беглопоповцев, поповцев, приемлющих белокриницкую иерархию, беспоповцев: поморцев, федосеевцев, филипповцев, нетовцев и т. п. Это наименование, хотя и принято всеми старообрядческими обществами, так как носит нейтральную, неоскорбительную окраску, тем не менее не соответствует статусу Церкви Христовой, каковой члены любой из деноминаций себя признают, поэтому каждое согласие имеет еще и самоназвание для официального, торжественного употребления. Более дробное разделение согласий зачастую называется толками; иногда эти слова воспринимаются как синонимы, а иногда согласиями называют мелкие подразделения внутри толков» (Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 264).

поиска архиереев, и даже предпринимали экспедиции на Восток и Балканы. Эти поиски продолжались около 150 лет и не дали никаких результатов.

В результате разделений как по различным церковным вопросам, так и в силу внешних причин, в старообрядчестве образовалось несколько десятков согласий. Из беспоповцев наиболее влиятельными были *поморское* согласие, возникшее на севере России – в Поморье, и отделившееся от него *филипповское* согласие, названное по имени его основателя Филиппа, бывшего стрельца. В псковско-новгородских пределах возникло *феодосеевское* согласие, основанное Феодосием Васильевым. Последователи этих согласий были особенно непримиримо настроены по отношению к существующему строю и вели аскетическую жизнь. В керженских непроходимых лесах в конце XVII в. зародился *нетовский*, или, *спасовский* толк, проповедники которого учили, что раз в мире нет ни православного священства, ни таинств, ни благодати, то спасение можно получить только уповая на Спаса (Исуса Христа). Позже этот толк разбился на несколько согласий: *глухую нетовищину*, *поющую нетовищину*, *рябиновищину*, *самокрещенцев*, или *бабушкино согласие*, *дырников* и др. Известен также *бегунский*, или *страннический*, толк, основанный в конце XVIII в. беглым солдатом Евфимием, призывавшим верующих ради спасения душ на «вечное странство». Евфимий выступал против императора, которого считал представителем царства антихриста, против частной собственности, против неравенства.

Из беглопоповцев со временем выделились *единоверческое*, *австрийское*, или *белокришницкое*, согласия, *беловодская* и *новозыбковская* иерархия. В XIX в. от беглопоповцев отошли *часовенные*, названные так потому, что из-за отсутствия священников грамотные уставщики-миряне вели у них богослужение, крестили, исповедовали и причащали верующих в часовнях. Тем самым они практически перешли на беспоповскую практику ведения церковной службы.

Однако между некоторыми из этих согласий и толков разница была настолько мала, что небольшие согласия при наступлении более благоприятных времен достаточно быстро сливались с крупными. Видный деятель староверия XX в. М. И. Чуванов писал по этому поводу: «Разделения в староверии еще существуют, но в литературе они раздуты до громадных размеров, благодаря писаниям миссионеров официальной церкви, старавшихся доказать упадок ревнителей древнего благочестия. За годы гонений и исповедания древлеправославной традиции выработался единый облик, схожий внешне и внутренне, тип христианина-старовера с общим взглядом на мир и на свое место в истории человечества. И это единство отразилось в литературном творчестве, в быту, в иконописании, в хозяйственной деятельности»¹¹.

¹¹ Чуванов М. И. Введение в историю Древлеправославной Староверческой Церкви // Древлеправославный месяцеслов на 2004 год: Настольная книга христианина для душеполезного чтения на каждый день с богослужебным уставом, святыми, домашними молитвами и пасхалией. М., 2004. С. 221.

1.2. Старообрядчество в «век Просвещения»

После того как Петр I (царь с 1682 г., самостоятельно правил с 1689 г.) провозгласил политику веротерпимости в государстве, положение старообрядцев несколько изменилось. Прекратились открытые гонения, и в истории старообрядчества начался новый период, который обычно характеризуют как период созидания, организации общежитий, хозяйственной, религиозной и культурной жизни. Возникают такие духовные центры старообрядчества, как Стародубье, Ветка, Выговская поморская пустынь, Керженец, Невельское общежитие и др. Эти духовные центры сыграли неоценимую роль в сохранении традиций древнерусской культуры (подробнее мы поговорим о них во второй главе). Однако все эти центры существовали или на окраинах империи или вообще за границей.

И при Петре I старообрядцам приходилось нелегко. Оставались в силе прежние указы против сторонников старой веры, а в 1714 г. были изданы и новые, дополнительные. Правительство хотя формально признавало существование старообрядцев и соглашалось видеть в них граждан, но со значительными ограничениями: им разрешалось открыто жить в городах и селениях, но зато они облагались двойным налогом (если последователь новой веры платил в казну за себя 5 рублей, то старовер должен был платить 10). Кроме того, взимали с каждого мужчины по 50 рублей в год за ношение бороды. Со староверов взыскивали пошлину и в пользу новообрядческого духовенства. Тем самым поборы с ревнителей древнего благочестия стали важной статьёй доходов и для правительства, и для духовенства. При этом староверы не пользовались никакими правами: им воспрещалось занимать государственную или общественную должность, не признавалось их свидетельство на суде против новообрядцев, при браках с новообрядцами старообрядцев приказывали обращать в новую веру, а за брачное сожитие без венчания – предавать суду, детей же отбирать и крестить в господствующей церкви. Но этого было мало. Старообрядцев хотели выставить на посмешище, и им было приказано носить особую унижительную одежду (мужчинам – однорядку с лежащим ожерельем и сермяжные зипуны с нашитыми «козырями» красного сукна, а женщинам – шапки с рогами и тоже сермяжный зипун с красным козырем).

Однако, несмотря на такое тяжелое положение, старообрядцы не желали изменять вере своих предков, а популярность старообрядчества в русском народе только увеличивалась. Нужно отметить, что этой популярности способствовали и те серьезные изменения, которые в XVIII столетии произошли в самой господствующей церкви. Реформы Петра I, направленные на вестернизацию России, захватили и церковь. После смерти патриарха Адриана патриаршество было упразднено. По словам князя Е. Трубецкого, «церковь была в буквальном и техническом смысле обезглавлена». Вместо патриаршества и церковных соборов в 1721 г. вводилось коллегиальное управление под латинским названием «Коллегиум духовное», впоследствии переименованное в «Святейший Синод», возглавляемый обер-прокурором – своего рода министром над церковью, назначавшимся из числа светских лиц. «Здесь видна противоположность идеалов Петра как выразителя новой светской культуры и старообрядцев как носителей старой религиозной культуры. Если идеалом протопопа Аввакума было сакрализованное государство, то идеалом Петра – секуляризованная Церковь, служащая государству»¹².

На Западе уже с эпохи Возрождения культура лишь по имени была христианской, по сути же носила чисто светский характер. Это была культура расцерковленная, которая считала себя единственной культурой. Все, что находилось вне ее, в том числе и культура церковная, вообще не считалось культурой. Так, было принято считать, что церковь исключает культуру. Начиная с Петра, эти мнения все более широко внедряются и в России. «Просве-

¹² Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 1997. С. 499.

щенное» общество, в основном дворянство, реформированное Петром по своему вкусу, отрывается от церкви и от народа, отрывается от своего прошлого и от своей истории. «Пышный, мечтательный и смутный век „просвещения“ мог терпеть веру только „рационализированную“, которую и несли расцерковленная „христианская“ культура. В свете ее Церковь начинает представляться инородным и даже враждебным культуре телом, рассадником суеверий и тьмы, с которыми борются государство и просвещенное общество»¹³. С другой стороны, оказывалось всяческое покровительство представителям иноплеменных конфессий (взять хотя бы Невский проспект в Петербурге – каких здесь только не было построено храмов!). Под особым и преимущественным покровительством государственной власти и законов оказывается протестантизм, по образцу которого была проведена петровская «реформация».

Вторично реформированная Петром господствующая церковь решила начать миссионерскую деятельность по обращению старообрядцев в официальную религию. Миссионеры начинали видеть в старообрядцах серьезных конкурентов. Уже с начала XVIII в. разгорается полемика господствующей церкви со старообрядцами, активизировавшаяся после учреждения Синода. Эта полемика позволила старообрядцам начать систематический сбор церковно-археологических свидетельств в защиту старой веры. Результатом этой деятельности явились такие фундаментальные полемико-догматические трактаты, как «Дьяконовы ответы» на 130 вопросов Нижегородского архиепископа Питирима (1719) и «Поморские ответы» на 106 вопросов синодального миссионера Неофита (1723).

Старообрядческий вопрос с начала XVIII в. держался под постоянным контролем правительства. Как отмечает современная исследовательница, «не будет преувеличением сказать, что внешняя история старообрядчества напрямую зависела от политики правительства. Какой бы старообрядческий центр мы ни взяли, его история будет определяться не его собственной внутренней эволюцией, а исключительно характером правительственных постановлений»¹⁴.

От политики правительства зависело и социальное положение отдельных старообрядцев в Российской империи. Лишенные возможности занимать государственные должности, старообрядцы в массе своей оставались крестьянами и большее, на что могли рассчитывать «выбывшиеся в люди» – это запись в купеческое сословие. Так возник феномен старообрядческих купцов-«миллионщиков». Но наличие многомиллионных капиталов все же не решало вопроса. Для купечества гражданские и имущественные вопросы были крайне важны, и потому оно особенно остро ощущало свое бесправное положение. Давление государства заставляло купцов переходить из наиболее притесняемого беспоповского согласия в поповское, а впоследствии – в единоверие или прямо в господствующую церковь.

В 1723 году Синод издал указ о запрещении «раскольникам строить скитов себе и пустынек». Усердные епископы начали разорять старообрядческие скиты. Следствием явилась новая волна самосожжений, прокатившаяся по всей России. Обыкновенно самосожжение происходило так. Узнав о том, что правительство открыло их местожительство и посылает для «уведомлений» воинскую команду во главе с «православным» священником и каким-либо офицером, народ собирался в часовне, моленной или просто в огромной избе, натаскивали туда соломы, сена, хвороста, бересты, расставляли бочки со смолой, насыпали порох. Едва показывалась воинская команда, как все собирались в дом и заколачивали накрепко окна и двери. Начиналась общая молитва. Отряд высылал парламентаря для переговоров. Народ просил, чтобы их оставили в покое и ушли, что они новой церкви все равно признать не могут и грозились сжечься. Если отряд уходил, то люди расходились по домам и оставались в живых.

¹³ Там же. С. 509.

¹⁴ Юхименко Е. М. Правительственная политика «борьбы с расколом» и история старообрядческого движения XVII – начала XX вв. // Старообрядчество: История, культура, современность. Выпуск 9. М., 2002. С. 4.

Когда же войска начинали осаду и шли в атаку, то поднимались клубы дыма, пламя освещало все вокруг, раздавались крики и стоны горящих. В этот момент солдаты от жары отступали, никого не сумев спасти, и через некоторое время на месте пожарища оставались лишь обгоревшие кости десятков и сотен людей. Эта картина повторялась практически неизменно в различных частях России.

Наконец, духовенство господствующей церкви начало заставлять старообрядцев ежегодно у них исповедоваться и причащаться и всеми мерами принуждало обращаться в свою веру. О не бывавших на исповеди священники были обязаны доносить в вышестоящие инстанции. Тогда народ, отстаивая свою веру, начал бросать свои родные места и все свое имущество, либо убегая в непроходимые леса, либо переселяясь за границу (в основном в Литву и Польшу).

Краткие царствования Екатерины I и Петра II не внесли ничего нового в борьбу за веру. В царствование же Анны Иоанновны (1730—1740) положение староверов еще более ухудшилось. И без того огромные налоги были удвоены и беспощадно выколачивались из народа. Началось повальное бегство староверов за границу. Однако правительство и там не оставляло староверов в покое. В 1735 г. по именному повелению Анны Иоанновны пять армейских полков под командованием полковника Я. Г. Сытина окружили Ветковские слободы (в Польше) и увели в Россию 14 000 человек, осуществив первую так называемую выгонку Ветки – одного из крупнейших духовных центров старообрядчества. Начальствовавший тогда на Ветке священноинок Иов был сослан в Иверский Валдайский монастырь, где и скончался. Погибли многие древние иконы и уникальное собрание книг Лаврентьевского монастыря. Однако через пять лет старообрядцы вновь густо заселяют Ветку, строят сначала часовню, а затем новый большой храм. В скором времени здесь образовался и монастырь, в котором было до 1 200 иноков. (Вторая «выгонка» Ветки последовала уже при императрице Екатерине II в 1764 г., когда генерал-майор Маслов угнал на поселение в Сибирь почти 20 000 жителей.)

При императрице Елизавете Петровне (1741—1761), любившей всевозможные богомолья, количество духовенства необычайно возросло, и, вместе с тем, оно образовало новое замкнутое сословие, куда почти закрыт был доступ для представителей других сословий. Для борьбы со староверием появились и особые «миссионеры», принесшие немало зла. Само это слово, по свидетельствам современников, вызывало у староверов неопиcуемый ужас. Хотя в новое царствование никаких новых указов издано не было (кроме направленных против самосожжений), положение старообрядцев по-прежнему оставалось тяжелым и даже еще более ухудшилось из-за усиления крепостной зависимости. Продолжались самосожжения, продолжались побег, главным образом, в Сибирь. При этом число старообрядцев не уменьшалось.

В царствования Петра III (1761—1762) и Екатерины II (1762—1796) правительственная политика меняется. Устрашенное неве-роятным упорством сжигающихся, правительство начинает отмену прежних жестоких гонений, не достигших намеченной цели. Это внесло некоторое облегчение в жизнь староверов, хотя свободы вероисповедания они все же не получили. Такие уступки старообрядчеству отчасти объясняются тем, что правительство в это время стало обращать больше внимания на внутреннюю экономическую жизнь государства и решило, в том числе, заселить богатые, но пустынные окраины: Новороссию, Нижнее Поволжье и Сибирь. Для этой цели начали приглашать иностранных колонистов (в основном, немцев), предоставляя им значительные льготы. Вспомнили и про коренных русских людей – старообрядцев, разогнанных жестокими гонениями по всей России и загнанных за границу.

В законодательстве Екатерины II о свободе старообрядческого исповедания действовало два принципа. Во-первых, старообрядцы могли пользоваться полными гражданскими правами, каждый согласно своему сословному положению, но эти права были им дарованы как гражданам, а не как старообрядцам, без всякого отношения к вероисповеданию. Во-вторых, старообрядцы имели полную свободу отправления своих религиозных потребностей, но эта свобода не означала ни юридического признания старообрядчества, ни положительного или отрица-

тельного к нему отношения, а имела чисто гражданское основание. Законодательство Екатерины еще не пользовалось понятиями старообрядческой общины или прихода, не регламентировало их прав и обязанностей.

По поводу церковных реформ XVII в. императрица высказывалась необычайно смело: «Никон внес разлад и разделение между народом и престолом; до него государи были отцами своего народа, самодержавными охранителями православных на любви и свободе, на единности престола с народом в верности веры отцов, в верности обрядов и обычаев предков, основателей отношений государей к их народу. Никон из Алексея царя-отца сделал тирана и истязателя своего народа... Народ стал видеть в своих царях антихристов, и мы его не виним: народ подлинно испытал на себе руку последних. И для чего все это? Для чего Алексей изменил своему народу, изменил еще недавнему, еще памяtnому избранию народом отца его в царя Российской земли, изменил общим обязанностям всех царей? Чтобы угодить другу своему Никону, чтобы покорить под ноги его и иерархов, и духовенство, и народ, и затем, чтобы из него и будущих патриархов создать врагов престолу и самодержавию. Удивляюсь царю Алексею, его недальновидности: идет за Никоном, как провинившийся мальчишка за готовящимся его высечь учителем! Вот заслуга никоновской реформы пред престолом и самодержавием!»¹⁵

В то же время Екатерина разделяла старообрядцев на «хороших» и «плохих» в зависимости от их готовности к компромиссу. Она надеялась, что при помощи кнута и пряника удастся сделать то, чего не удалось добиться одним только кнутом: присоединить старообрядцев к господствующей церкви. Эту мысль она выразила в манифесте от 3 марта 1764 г., которым освободила старообрядцев от двойного налога. В то же время в манифесте были предусмотрены не только «кроткие» меры: «С потаенными же раскольниками поступать по всей строгости законов». Под «потаенными» имелись в виду те, кто отказывался иметь какое-либо общение с господствующей церковью, в то время как были и другие, которые готовы были идти в старообрядческий храм, лишь бы им разрешали креститься двуперстно. Этим последним манифест даже повелевал «не считать раскольниками».

Особое значение в истории старообрядчества приобрел манифест императрицы от 4 декабря 1762 г. о свободном возвращении «беглецов» на родину, в котором объявлялась «амнистия» за все прежние дела. Этим манифестом она открыла путь на родину огромной массе русских людей, бежавших за рубеж от преследования за религиозные убеждения. В манифесте говорилось: «Ея Императорского Величества указом всем живущим за границей российским раскольникам объявить, что им позволено выходить и селиться особыми слободами не только в Сибири, на Барабинской степи и других порожних и отдаленных местах, но и в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях на порожних и выгодных землях, где полезнее можно быть». Всего для этой цели правительством было отведено 70 000 десятин земли. С этого времени начинается открытое заселение Поволжья и Иргиза старообрядцами.

Затем последовали и другие указы о льготах. Эти льготы и послабления были вызваны не одними экономическими причинами – в то время в Россию проникли новые веяния с Запада. Там под влиянием новой философии уже давно прекратились гонения на веру. С другой стороны, на правительство действовали и события внутри страны – крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачева (1773—1775). Пугачев, живший одно время среди старообрядцев в ветковских и стародубских слободах и сам являвшийся старообрядцем, в своих манифестах жаловал народ не только землей, но и «крестом и бородой», то есть свободой старой веры.

Именно в царствование Екатерины II были основаны два знаменитых духовных центра старообрядчества в Москве – Преображенское и Рогожское кладбища (1771), «на долгое время

¹⁵ Речь императрицы Екатерины Великой о старообрядчестве, сказанная на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 г. // Защита старообрядчества. М., 2003. С. 64.

становящиеся митрополиями, получающие значение двух кремлей, объединяющих огромные массы старообрядцев»¹⁶. Один из этих кремлей – Рогожское кладбище – стал культурным и экономическим оплотом поповской половины старообрядчества. Другой кремль – Преображенское кладбище – превратился в культурный, экономический и религиозный оплот беспоповской половины старообрядчества.

Сменивший Екатерину II на императорском престоле Павел I (правил с 1796 по 1801) во многом продолжал внутреннюю политику своей матери, однако его действия порой отличались непредсказуемостью. При нем была введена строжайшая цензура, закрыты частные типографии, запрещен ввоз иностранных книг. Придерживаясь учения господствующей церкви, император, тем не менее, показал себя весьма либеральным в религиозных вопросах. Указом от 12 марта 1798 г. старообрядцам было разрешено строить церкви во всех епархиях, а 27 октября 1800 г. по соглашению с московским митрополитом это решение было распространено и на старую столицу. В царствование Павла I указом от 18 марта 1798 г. фактически была объявлена свобода вероисповедания. В то же время, за какое-то незначительное нарушение правил Павел I приказал полностью срыть все строения на Преображенском кладбище, и лишь его смерть помешала осуществить этот приказ.

На царствование Павла I приходится и учреждение так называемого единоверия. Под единоверием подразумевают особенную часть русской господствующей церкви, учрежденную в 1800 г. императорским указом по представлению московского митрополита Платона для тех старообрядцев, которые были согласны войти в подчинение Синоду, однако опасались оставить древние обряды. Единоверие было задумано наподобие западной православно-католической унии: при сохранении старого богослужебного чина и древних обычаев единоверцы обязывались принимать священство от господствующей церкви и поминать за литургией новообрядческий Синод, вполне ему подчиняясь. Сам термин «единоверие» был введен, чтобы подчеркнуть несамостоятельность, несамодостаточность общества старообрядцев, примкнувших к господствующей церкви. Сами единоверцы не раз выражали свою неудовлетворенность тем «званием», которое было им присвоено, ссылаясь на его неопределенность. Дело даже дошло до того, что на Всероссийском съезде единоверцев, состоявшемся в 1912 г. в Петербурге, было принято решение о переименовании единоверцев в православных старообрядцев, но новое название так и не прижилось.

Официальному учреждению единоверия предшествовали следующие события: в 1784 г. с соизволения императрицы Екатерины II и по распоряжению «первенствующего члена Синода» митрополита Гавриила старообрядцам, жившим в Белорусской, Малороссийской и Новороссийской губерниях, «даровались» священники с дозволением служить по старым обрядам. 26 августа 1785 г. высочайшим повелением князю Потемкину было предписано назначить старообрядцам для поселения места между Днепром и Перекопом с тем, чтобы они получали священников от Таврического архиерея, но отправляли службу по старопечатным книгам.

Во второй половине XVIII в. старообрядческий инок Никодим, озабоченный восстановлением в старообрядчестве трехчинной иерархии, подал соответствующее прошение в Синод. Оно было представлено князю Потемкину, который подверг его критике, но заинтересовался им и решил соединить проект Никодима со своими планами заселения Новороссии старообрядцами. 19 июля 1796 г. члену Синода архиепископу Казанскому Амвросию было повелено «учинить решение» о даровании Верхней Успенской старообрядческой обители иеромонаха на основании указа 1794 г. по прошению строителя обители монаха Сергия. В 1797 г. Нижегородский епископ Павел доложил Синоду о прошении старообрядцев Нижнего Новгорода и окрестностей (числом до 1 000 человек) о даровании им священника. На это прошение после-

¹⁶ Сенатов В. Г. *Философия истории старообрядчества*. М., 1995. С. 14–16.

довало «мнение» Синода о дозволении нижегородским старообрядцам иметь священников, служащих по старым обрядам, но рукоположенным от епархиального архиерея. Это мнение было высочайше утверждено указом от 12 марта 1798 г., при этом иметь таковых священников дозволялось старообрядцам и других епархий.

Однако данные распоряжения не достигали цели, поставленной властями, и были использованы старообрядцами просто как разрешение иметь своих священников, чего они и добились. В 1799 г. прошение митрополиту Платону о дозволении иметь своих «законных» священников подали московские старообрядцы – прихожане Рогожского кладбища. Подавляющее большинство рогожцев строго осудило эту просьбу, и 21 человек из 75 подписавших сняли свою подпись. В дальнейшем это прошение было использовано для законодательного оформления единоверия на основании приложенного к прошению проекта, который вместе с «мнением» митрополита Платона составил «Правила единоверия» (высочайше утверждены Павлом I 27 октября 1800 г.). По этим правилам единоверие существовало до 1881 г., когда в них по определению Синода были внесены незначительные изменения. Эти правила включали в себя так называемые 16 пунктов, по которым происходило фактическое присоединение части старообрядцев к грекороссийской (новообрядческой) церкви, с которой не захотели соединяться их предки.

1.3. Русское старообрядчество в XIX веке

Либеральная политика Екатерины II и Павла I по отношению к старообрядцам продолжалась и в царствование Александра I (1801—1825). В циркулярном письме всем губернским начальникам от 19 августа 1820 г. задачи правительства в отношении старообрядчества формулировались следующим образом: «Раскольники не преследуются за мнения их секты, относящиеся до веры, и могут спокойно держаться сих мнений и исполнять принятые ими обряды, без всякого, впрочем, публичного оказательства учения и богослужения своей секты... ни под каким видом не должны они уклоняться от наблюдения общих правил благоустройства, законами определенных»¹⁷. Считая староверие сектантством, которое со временем должно быть полностью изжито, и называя послабления послепетровского времени «мнимыми правами» старообрядцев, правительство Александра I, тем не менее, не желало начинать новых гонений. В государственном законодательстве этого времени ярко выразился тот же принцип, по которому господствующая церковь решила на учреждение единоверия – «терпимость без признания».

На практике же политика правительства выражалась в том, чтобы «не замечать» старообрядчества. Старообрядцы также не должны были лишней раз напоминать о своем существовании. Во избежание «оказательства раскола» они были лишены возможности ходить крестным ходом вокруг своих храмов даже на Пасху, а старообрядческие священники не имели возможности вне храма носить подобающую их сану одежду. Они могли собираться на общую молитву, но так, чтобы никто их не видел, могли содержать моленную, но так, чтобы по виду здания или по колокольному звону нельзя было определить, что это именно храм. Но несмотря на такое полулегальное положение, старообрядцы много строили: появлялись новые храмы и даже целые монастыри с многочисленными насельниками.

17 февраля 1812 г. правительство пытается перейти к более решительным действиям, издав распоряжение «О дозволении старообрядцам иметь священников, избираемых по согласию прихожан епархиальными архиереями, а не из попов иргизских монастырей, беглых духовных, опорочивших свое звание». Это «дозволение» было не чем иным, как попыткой насильственного обращения в единоверие всех поповцев. Правительство, по-видимому, готовясь внести коррективы в политику по отношению к старообрядчеству, решило оценить ее эффективность. В циркуляре от 18 июня оно потребовало от губернаторов негласно собирать сведения о численности старообрядцев в их губерниях и ежегодно представлять такие данные. Начавшаяся Отечественная война 1812 г. отодвинула на десятилетие приведение в действие мер против старообрядцев, которые во время суровых военных испытаний показали многочисленные примеры самоотверженной любви к России.

В течение 1815—1816 гг. старообрядцы построили часовни с главами и колоколами в Чугуеве, Боровске, Фатеже, деревне Курловой Курской губернии, богаделенный дом с часовней в Саратове, женский монастырь с церковью под Саратовом. Правительство повелело оставить все эти и другие строения, только снять главы и колокола. В 1817—1825 гг. новая волна правительственных указов и распоряжений положила начало усилению мер по притеснению старообрядчества. Сначала появился указ, запрещающий строительство старообрядческих часовен, церквей, богаделенных домов и монастырей. Но, поскольку указ желаемого действия не возымел и строительство было продолжено, 26 марта 1822 г. правительство дополнительно издало распоряжение: «О тех раскольничьих церквях, которые давно построены, не входить ни в какое дальнейшее рассмотрение и оставлять их без разыскания... Вновь же строить не доз-

¹⁷ Цит. по: Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. С. 14.

волять ни по какому случаю»¹⁸. В том же году при утверждении этого постановления император сделал следующую редакционную поправку: «Все раскольниковы церкви, молитвенные дома и часовни, построенные до 1817 года, оставить неприкосновенными без разыскания; вновь строить запрещено». Если до этого времени не было разрешенных старообрядческих храмов, а были только «терпимые», то теперь уже появились и «указные», то есть дозволенные. Однако все храмы, построенные после 1817 г., были разрушены. В 1822 г. было также указано, что перешедшие до этого срока в старообрядчество беглые попы не преследуются за это.

С началом правления Николая I (1825—1855) уже были забыты все помыслы о реформах и воцарилась неудержимая реакция. Старообрядцы лишились всех льгот, предоставленных им прежними царями: они снова были лишены прав гражданства, почти окончательно лишены священства и возможности открыто совершать богослужение. Первый удар был направлен против старообрядческого священства: 10 мая 1827 г. комитет министров воспретил священникам совершать переезды из одного уезда в другой для исполнения треб. В случае пренебрежения запрещением велено было «поступать с ними, как с бродягами». На это постановление Николай I наложил резолюцию: «Весьма справедливо». Этой мерой планировалось принудить старообрядцев, надолго лишенных возможности религиозно устроить свою жизнь и даже смерть, обращаться в единоверие.

В том же году состоялось высочайшее определение о священниках Рогожского кладбища, чтобы «новых отнюдь не принимать». Данное распоряжение было потом распространено на все поповские приходы России. В 1836 г. это указание было с особенной силой подтверждено относительно Иргизских монастырей, где преимущественно укрывались старообрядческие священники. Немногим ранее еще одно высочайшее повеление относительно Рогожского кладбища указывало: «Не позволять ни по какому случаю в Москве оставаться приезжающим из других мест так называемым раскольничьим или беглым попам, а еще менее допускать исправления ими треб и временное пребывание на Рогожском кладбище»¹⁹.

Вслед за этим появились указы и вообще относительно всей религиозной жизни старообрядчества, как поповцев, так и беспоповцев. Вновь принимаются законы, лишаящие староверов элементарных прав. С 1834 г. старообрядцам запрещено вести метрические книги (раньше выписки из них являлись юридическим документом и заменяли собой паспорт) – таким образом староверы оказывались вне закона. Не признавались старообрядческие браки, а дети староверов являлись по законам того времени незаконнорожденными. Они не имели прав ни на наследство, ни на фамилию отца.

Правительством для борьбы со старообрядчеством создавались различные «секретные совещательные комитеты» с центральным комитетом в Петербурге, занимавшиеся слежкой и контролировавшие жизнь староверских общин с целью их подавления и закрытия. Комитеты состояли из губернатора, архиерея, председателя государственных имуществ и жандармского офицера. Само существование подобных комитетов и их совещания должны были оставаться в тайне.

С каждым годом «стеснительные меры против старообрядцев» только увеличивались: моленные и часовни, построенные и украшенные старообрядцами, стали отбирать и передавать единоверцам. В 1835 г. был издан указ о разделении старообрядцев на: 1) *самых вредных*, куда были отнесены сектанты и старообрядцы, не признававшие браков и молитв за царя; 2) *вредных* – всех остальных беспоповцев и 3) *менее вредных* – поповцев.

Не только попов, но и видных мирян стали теперь без суда и следствия отправлять в ссылку и подвергать телесным наказаниям. Это касалось всех старообрядцев, в том числе и предпринимателей, начавших свои торговые обороты с самого издания екатерининской

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 194.

Жалованной грамоты городам (1785), людей, фабричная и торговая деятельность которых кормила и давала работу сотням тысяч подданных империи. Законы 1846—1847 гг. запрещали староверам приобретать недвижимость и землю, вступать в купеческие гильдии, быть избранными на общественные должности. Целые старообрядческие селения были отданы под полицейский надзор.

Однако пиком николаевского царствования явилось беспримерное по своему вандализму разорение старообрядческих духовных центров. В 1841 г. были разорены и переданы единоверцам Иргизские монастыри. В 1853 г. вышел закон об упразднении «противозаконных раскольнических соборщ», в том числе скитов и монастырей, по которому были опечатаны алтари Рогожского кладбища, часть Преображенского монастыря была передана единоверцам, а Выговское общежитие вообще закрыто и разорено. Под правительственный контроль были взяты Волковская и Малоохтинская богадельни в Петербурге. Во исполнение новых «драконовских» законов «многие сотни молитвенных зданий были уничтожены; десятки тысяч икон, сего древнего достояния прадедов, были отобраны, огромную библиотеку можно составить из богослужебных и иных книг, взятых в часовнях и домах старообрядцев»²⁰. Хотя теперь за старую веру и не сжигали, как в XVII в., все же был случай, когда в землю зарыли живых, забитых до полусмерти староверов.

«Бог знает, – пишет историк, – до чего бы дошли эти гонения, если бы неудачная крымская кампания не заставила правительство сделать поворот во внутренней политике в сторону реформ»²¹. Однако и гонения не могли сломить последователей старой веры. Росло и укреплялось старообрядческое купечество, появлялись известные на всю Россию династии купцов, промышленников и предпринимателей (Морозовы, Гучковы, Хлудовы, Рябушинские). «Они активно помогали открывать новые храмы, богадельни, монастыри и скиты. Взаимопомощь и взаимовыручка внутри староверия были сильнее чиновничьего произвола»²².

В результате уже в царствование Александра II (1855—1881) были намечены, хотя и очень слабые, льготы старообрядчеству. В 1864 году царем был издан указ о «необходимости предоставить свободу в делах веры». В 1874 г. был издан новый закон о старообрядческих браках, которые стали заносить в особые метрические книги при полиции и рожденных от таких браков считать уже законнорожденными; а 3 мая 1883 г. появился закон об общем положении старообрядчества в государстве и его религиозных правах. Старообрядцы были восстановлены в тех гражданских правах, которых лишились при Николае I. Кроме экономических свобод были разрешены постройка молитвенных домов и совершение богослужений. Но проповедь староверия была по-прежнему запрещена. Однако и этот закон, и без того весьма несовершенный, в следующий период был практически сведен на нет.

Последнюю четверть XIX в. и начало XX в. (с 1880 по 1905 г.) Синод возглавлял печально известный обер-прокурор К. П. Победоносцев. Он был сторонником диктатуры новообрядческой церкви в духовной жизни и в этом видел «спасение» России. Свобода совести, утверждал обер-прокурор, приведет к тому, «что враги отхватят массами русских людей и сделают их немцами, католиками, магометанами и прочими, и мы потеряем их навсегда для церкви и отечества». К «прочим» и врагам относились и староверы, которых по-прежнему продолжали называть «раскольниками».

²⁰ Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для великого князя Константина Николаевича по поручению Ланского (1857) // Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае I и Александре II, пополненные запискою Мельникова. Лейпциг, 1882. С. 81.

²¹ Макаров В. Е. Старообрядчество, его смысл и значение // Защита старообрядчества. М., 2003. С. 37.

²² Пашишин М. Б. К столетию указов 17 апреля и 17 октября 1905 года о веротерпимости и свободе совести в России // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2005 год. М., 2004. С. 8.

1.4. Судьбы старообрядчества в XX веке

К началу XX столетия староверы, по приблизительным подсчетам современных историков, составляли десятую часть населения Российской империи (примерно 15 млн человек). Это была наиболее трудолюбивая, активная, искренне верующая и законопослушная часть населения. Скрывать этот факт и не считаться с ним русское общество уже не могло. Лучшие умы среди правящего класса России и среди интеллигенции понимали, что не использовать громадный потенциал старообрядчества, своеобразного «ядра» русского народа, значит – затормозить развитие страны. Во многом благодаря этому 17 апреля 1905 г. появился Высочайший Указ о веротерпимости, который составил основу всех последующих законодательных изменений в отношении старообрядчества в России. Автором реформ, проводившихся тогда в стране, был председатель Комитета министров С. Ю. Витте. Указ провозглашал свободу вероисповедания, а также запрещал какие-либо преследования за веру. Согласно этому указу: 1) переход из господствующей церкви в другую религию не наказуем; 2) при перемене веры одним из родителей дети веры не меняют; 3) лица, только записавшиеся новообрядцами, могут быть исключены из числа новообрядцев; 4) принимаемых подкидышей можно крестить по вере их приемных родителей; 5) вероучения, числящиеся под общим названием «раскол», разделить на: а) старообрядчество, б) сектантство и в) изуверные учения; 6) заменить слово «раскольник» словом «старообрядец»; 7) разрешить устройство моленных, скитов и избрание духовных лиц, настоятелей и наставников, а также устройство кладбищ; разрешено распечатать запечатанные старообрядческие храмы. Духовным лицам старообрядцев, избираемым общиной, было присвоено наименование «настоятелей и наставников». Они были исключены из их сословий, причислены к духовному сословию и освобождены от военной службы. Было разрешено преподавание Закона Божия духовными и светскими лицами того же вероисповедания и открытие начальных школ, находящихся в ведении Министерства народного просвещения с программой и преподавателями с цензом, утверждаемым Министерством. Старообрядцам разрешалось поступать на гражданскую и военную службу, в гимназию, в университеты и военные школы, а также производство их в офицеры. Разрешалось печатать и ввозить из-за границы старообрядческие книги.

Однако Указ от 17 апреля все же не давал полной свободы вероисповедания. Староверы по-прежнему находились во власти местных чиновников. Губернатор, полиция и другие власти толковали этот указ «по-своему», оставляя существовавший ранее порядок вещей. Следующим шагом правительства стал Манифест 17 октября 1905 г. В нем провозглашался ряд гражданских свобод, в том числе свобода совести как одно из «начал», на которых базировались «незыблемые основы гражданской свободы». Поскольку Манифест 17 октября имел статус конституции, он сделал процесс получения свободы вероисповедания необратимым. В конце 1905 г. началась работа над новой редакцией Основных законов для приведения их в соответствие с принципами, провозглашенными в Манифесте.

В итоге 17 октября 1906 г. после длительной полемики вышел закон о старообрядцах, который закреплял право староверов образовывать старообрядческие общины с признанием их юридических прав, право самим вести метрические книги, право проповеди своего учения. Очень важным был пункт образования и регистрации общин в явочном порядке (т. е. по факту заявления). Это защищало староверов от чиновничьего беспредела (в отличие от разрешительного принципа регистрации общин, т. е. с разрешения местного начальства).

Эти законы, несмотря на наступившую впоследствии в стране реакцию и ограничения многих свобод, дали сильный толчок развитию старообрядческой жизни. Начался «золотой

век» русского старообрядчества²³. Вот как описывал этот период современник: «Он („золотой век“, – К.К.) был на самом деле славным, ярко-блестящим, внутренне насыщенным и глубоко жизненным. Это была целая историческая эпоха – творческая, своеобразно стильная, торжествующая. О ней одной можно написать целые тома»²⁴. Созидательная сила, столетиями копившаяся внутри наиболее притесняемой части русского народа, получила выход и реализацию в церковном строительстве. За десять с небольшим лет до Октябрьской революции и Гражданской войны были открыты и построены тысячи храмов, в большом количестве выходила старообрядческая литература, богослужебные, вероучительные, полемические издания, открывались воскресные школы, богадельни, приюты (подробнее об этом будет рассказано ниже, во второй главе). Представители старообрядцев появились в Государственной думе. Впервые за все время гонений старообрядцы различных согласий снова смогли жить полноценной соборной жизнью. За короткий срок были организованы и проведены два Всероссийских поморских собора 1909 и 1912 гг., сыгравших огромную роль в объединении староверов, несколько соборов и съездов старообрядцев белокриницкой иерархии, съезды федосеевцев и спасовцев. Шел процесс организации старообрядческих общин по всей России.

Однако «золотой век» старообрядчества, к сожалению, был недолгим, каких-нибудь 10—12 лет. Последующие исторические катастрофы, которыми был так богат XX век, надолго затормозили процесс культурного строительства в староверии. «В период революции 1917 г. резко антибольшевистская позиция части старообрядчества логически вытекала из понимания новой власти как власти антихристовой. Многие руководители старообрядчества без обиняков объявили Ульянова-Ленина антихристом, а коммунистов и комиссаров – слугами антихриста»²⁵. В августе 1917 г. в Москве прошел съезд старообрядцев всех согласий, председателем на котором был избран известный промышленник и политический деятель П. П. Рябушинский, призвавший всех «мощно встать на защиту нашей великой, глубоко несчастной России»²⁶.

С установлением советской власти внедряется новое мировоззрение, порожденное той расцерковленной культурой, которая своими корнями уходит в петровские реформы. Только теперь эта культура уже сбросила свою личину и перестала называться христианской. Государственным мировоззрением становится атеизм. В глазах государства все верования, в том числе старообрядчество, сводятся к понятию «религии», а «религия» однозначно понимается как «реакционная идеология», «обман», «опиум для народа» и т. д. Излюбленным лозунгом 20—30-х гг. становится лозунг: «Борьба против религии – борьба за социализм».

Еще в 1918 г. в старообрядческом журнале «Голос Церкви» была напечатана статья «Социализм и старообрядчество», где напоминалось о безрелигиозных и даже антирелигиозных корнях социализма как политико-экономического учения. В статье, в частности, говорилось: «Вспомните, чему учат наши социалисты, что вбивают в головы русскому народу вот уже несколько месяцев. Нас заставляют забыть Родину, заменяя борьбу за Отечество борьбой за углубление революции. По Марксу, для рабочего нет и не должно быть Родины и национальных стремлений; все эти понятия он должен выкинуть из своей головы, для него есть и должен быть только союз рабочего класса всего мира. Вот родина, вот бог, которому призывается служить рабочий! Во имя этого „священного интернационала“ и ведется борьба, благодаря этому

²³ По мнению французского ученого XX в. Пьера Паскаля, автора книги «Аввакум и начало раскола» (Paris, 1938), «золотой век истории старообрядчества продолжался десять лет» – с 1906 по 1916 г. Однако в этот период можно включить также и 1905 и 1917 гг., так как в 1905 г. активная деятельность старообрядцев уже началась, а в 1917 и даже в 1918 гг. она еще продолжалась.

²⁴ Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. С. 407.

²⁵ История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. Том I: годы 1917—1970. СПб., 1997. С. 687.

²⁶ Там же. С. 688.

понятию и гибнет Россия»²⁷. Статья заканчивалась призывом к образованию партии старообрядцев всех согласий, которая должна была принять активное участие в будущем Учредительном собрании.

Как видим, в критический для русской истории момент старообрядцы не оставались пассивными, прячась в «келье под елью». Однако разгон Учредительного собрания сделал невозможным мирное восстановление порядка. В 1918 г. в стране начался красный террор. «Враждебно относясь к христианству, большевики кроме того видели в старообрядцах могучую, спаянную и финансово оснащенную силу. Советская пропаганда изображала старообрядческую предпринимательскую элиту как сборище эксплуататоров и мироедов. Все большевистские газеты обошел приписываемый Рябушинскому призыв задушить Россию „костлявой рукой голода“»²⁸.

Действительно, в старообрядчестве новая власть встретила решительное сопротивление. Широкая антибольшевистская пропаганда шла через старообрядческий журнал «Голос Церкви» (был закрыт властями в 1918 г.), а также через типографию Рябушинского. В 1918 г. в Кинешме на земском старообрядческом съезде был создан «Комитет освобождения Родины», стремившийся к объединению с участниками ярославского восстания и просуществовавший в подполье до 1926 г. В период Гражданской войны богатые старообрядцы-промышленники оказывали всемерную поддержку белогвардейским армиям Деникина, Врангеля и Колчака. В войсках Деникина был даже армейский старообрядческий священник, окормлявший старообрядцев-казаков.

Особенно ярко проявилась антибольшевистская деятельность старообрядцев на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, где было много староверов-переселенцев (по данным официальной переписи 1897 г., в Сибири и на Дальнем Востоке жило около четверти миллиона старообрядцев, а в дальнейшем их число возросло). Большинство из них было рачительными, крепкими хозяевами, «кулаками», то есть «социально вредным элементом» по терминологии новой власти. Основой старообрядчества, как и всего русского народа до революции 1917 г., было крестьянское сословие. Именно из него выходили основатели старообрядческих торгово-промышленных династий, знаменитые «миллионщики» и «тысячники». Причем по сравнению с новообрядческим старообрядческое крестьянство было и более зажиточным, и более грамотным. Так, в 1908 г. безземельных хозяйств среди старообрядцев было всего 1,56%, малоземельных (до 6 десятин) — 1,44%. Купленных земель на каждый старообрядческий двор в среднем приходилось в 6 раз больше, чем на нестарообрядческий двор (в Заволжье – в 12 раз, в Волжско-Донском регионе – в 17 раз больше). Старообрядческое крестьянство было обеспечено лошадьми в среднем на 63,5% больше, чем нестарообрядческое. Крупного рогатого скота в Европейской России на 100 душ населения у старообрядцев было больше, чем у нестарообрядцев, на 33%. Из проведенной анкеты следует, что «почти 90% всех старообрядческих хозяйств по основным показателям должны быть в 1908 году отнесены к хозяйствам средним, владеющим более чем 2 лошадьми, примерно 6 коровами, более чем 20 десятинами земли... Маломощных хозяйств среди старообрядческих всего 4%. Хотя зажиточных также немного – 6,6%, но все их показатели значительно выше средних»²⁹.

В то же время старообрядцы не только имели на 50% больше лошадей и 27% больше крупного рогатого скота, чем среднестатистическое российское крестьянское хозяйство, но и были более грамотными. По данным И. В. Поздеевой, если в 1908 г. средний уровень грамотности в Европейской России равнялся 23%, то среди старообрядцев он достигал 36% (причем в северных областях даже 43%). В бюджете старообрядческой крестьянской семьи

²⁷ Родина. 1990. №9. С. 76.

²⁸ История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней... С. 689.

²⁹ Поздеева И. В. Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. // Мир старообрядчества. Вып. 2. М., 1995. С. 21—23.

в 1908 г. на книги затрачивалась в среднем 61 копейка (в то время как крестьянство иных конфессий денег на книги почти не тратило, например, в Вятской губернии в том же году эта цифра в среднем крестьянском бюджете равнялась полутору копейкам)³⁰.

Эти статистические данные объясняют дальнейший ход исторических событий. «Толстовское непротивленчество было чуждо духу старого русского православия, наследниками которого являются староверы. Поэтому богоборческая власть встретила с их стороны активное сопротивление» (29). Однако поражение Белого движения в Гражданской войне привело к тому, что руководители основных старообрядческих течений в декабре 1922 г. вынуждены были призвать верующих к лояльности по отношению к советской власти.

На первых порах новая власть, делая вынужденные уступки в экономической политике, пыталась расширить свою социальную базу, прежде всего среди крестьянства. В этой связи Народным комиссариатом земледелия 5 октября 1921 г. было принято воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», автором которого был В. Д. Бонч-Бруевич, еще до революции известный своими работами по старообрядчеству. В Воззвании Наркомзема проводилась аналогия между сектантами, старообрядцами и коммунистами в мировой истории. В лице старообрядцев Бонч-Бруевич пытался найти союзников, утверждая, что будущее России связано с «коммунистическими настроениями» религиозных сект и старообрядцев. С целью создания религиозных земледельческих общин, артелей, коммун была создана специальная «Комиссия по заселению совхозов, свободных земель и бывших имений сектантами и старообрядцами». Однако эта деятельность встретила активное сопротивление со стороны таких влиятельных руководителей РКП (б), как Л. Д. Троцкий, И. И. Скворцов-Степанов, П. А. Красиков, которым идеи Бонч-Бруевича были глубоко чужды. После смерти Ленина в 1924 г. сторонники «сектантской и старообрядческой утопии» были окончательно потеснены, и курс властей в вопросе о старообрядцах снова изменился. К началу 30-х годов были закрыты все старообрядческие монастыри, прекратили свое существование иконописные мастерские, благотворительные заведения. Почти полностью прекратилась издательская деятельность (кроме выпуска ежегодных церковных календарей). Еще в 1918 г. был закрыт Старообрядческий духовный институт в Москве, прекратили существование другие старообрядческие учебные заведения.

Стремление к компромиссу с советской властью среди широких слоев старообрядцев было гораздо слабее, чем среди церковного руководства. Инициативы новой власти встречали активное сопротивление на местах. Старообрядцы отказывались отдавать своих детей в школы, говоря, что там их «будут обучать безбожию», не позволяли им вступать в пионеры и в комсомол. Еще менее стремились старообрядцы вступать в колхозы. В некоторых деревнях население ломало рабочий инвентарь, саботировало колхозные работы, были даже случаи физической расправы с «активистами». Особенно сильным сопротивлением было на Севере, где в ответ на насильственные меры «партийных и советских органов» по коллективизации снова начались «гари», как в XVII и XVIII веках. Многие староверы выходили из колхозов и переселялись в лесные чащобы, а некоторые даже бежали за границу.

Основным лозунгом этого времени становятся слова, сказанные Н. К. Крупской в одной из статей: «Борьба с кулачеством есть одновременно борьба со старообрядчеством». Укрепляясь на местах, советская власть постепенно стала переходить в наступление на старообрядчество. «Словно полчища Мамая, прошли по селениям староверов во времена насильственной коллективизации ликвидаторы кулачества как класса, когда вместе с кулаками были выселены из родных мест многие середняки и бедняки с семьями. Были уничтожены самые светлые головы, самые работающие руки. Если учесть, что староверы с их трудолюбием и трезвым образом жизни, поддержкой своих единоверцев были сравнительно зажиточной частью общества,

³⁰ Поздеева И. В. Личность и община в истории русского старообрядчества... С. 7.

можно представить, что им пришлось вынести сполна все ужасы репрессий сталинского времени»³¹.

В отличие от Советской России, в получившей независимость Латвии и в других прибалтийских государствах в 20—30-е годы начинается самый настоящий расцвет старообрядчества. Принятые в прибалтийских республиках законы обеспечивали староверам равные права с представителями других вероисповеданий. Правительство оказывало помощь в организации школ, выделяло средства для содержания и постройки новых храмов, назначало государственные пенсии наставникам. С 1920 г. регулярно стали собираться съезды старообрядцев. Был создан Центральный комитет по делам старообрядцев Латвии. С 1927 г. в Даугавпилсе, а затем в Риге стал выходить ежегодный Старообрядческий поморский церковный календарь. С 1928 по 1933 г. под редакцией выдающегося ученого-старообрядца И. Н. Заволоко выходил старообрядческий журнал «Родная старина». И. Н. Заволоко был также организован «Кружок ревнителей русской старины», на заседаниях которого делались и обсуждались доклады по истории староверия. Было издано несколько сборников духовных стихов, издавались старообрядческие журналы «Наставник» и «Златоструй».

В этих условиях шел процесс объединения староверов Прибалтики и Польши. На 2-м межгосударственном совещании поморцев Прибалтики с участием представителей общин Литвы, Латвии, Эстонии и Польши, состоявшемся 12—14 апреля 1939 г. в Вильнюсе, было решено готовиться к объединительному собору и созданию единого центра. Однако эти планы так и не осуществились.

В 1940 г. государства Балтии были присоединены к СССР. После установления здесь советской власти все церковное имущество было национализировано, а в 1941 г. начались репрессии. В ссылке погиб председатель Совета общины В. Г. Кудрячев, 18 лет провел в лагерях и ссылке И. Н. Заволоко, пострадали и многие другие деятели староверия.

Вторая мировая война вызвала новую волну эмиграции староверов – на сей раз это были беженцы из Латвии и Литвы, которые не пожелали попасть в сталинские лагеря после присоединения Прибалтики к СССР и уезжали в Америку, где пополнили уже существовавшие к тому времени четыре крупные поморские общины – в городах Милвиле (штат Нью-Джерси), Марианне (Пенсильвания), Эри (Пенсильвания) и Детройте (Мичиган). Вообще, как отмечает Ф. Ф. Болонев, «старообрядчество в XX в. перешагнуло границы России и стало мировым явлением. Русские староверы, в том числе с Алтая и из Забайкалья, в силу разных причин теперь проживают почти на всех континентах земного шара, в 20-ти странах мира. А именно: в Европе (в Болгарии, Польше, Румынии, Германии, Франции); в Азии (Китае, Монголии, Турции); в Австралии и Америке (в Аргентине, Боливии, Уругвае, Бразилии, Канаде и США) и др. Только в штате Орегон (США) проживает примерно 5 тысяч русских, переселившихся туда через Уругвай и Бразилию из Китая и Турции»³².

В 60-е годы по стране прокатилась очередная атеистическая кампания – «хрущевская». Многие храмы в этот период были закрыты и разрушены. Таинства приходилось совершать нелегально. За воспитание детей в христианских традициях идеологи атеизма постоянно грозили наказанием. На великие праздники при подходе к храмам власти устанавливали милицейские посты с дружинниками, которые не пускали на службу молодых людей и детей.

В 70-е годы «хрущевская» политика по отношению к религии сменилась на «брежневскую». Хотя многие ограничения еще сохранялись, но верующих уже не преследовали в столь массовом порядке, в каком это было при Н. С. Хрущеве. Органы, контролировавшие деятельность различных религиозных организаций (в том числе и спецслужбы), препятствовали распространению веры, особенно среди городской интеллигенции. Религию (и прежде всего

³¹ Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII—XX вв. М., 2004. С. 41.

³² Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: Опыт сравнительной характеристики. Барнаул, 2001. С. 35.

старообрядчество) пытались представить как удел «серых бабок». В отличие от Московского патриархата, получившего еще в 1943 г. разрешение властей на воссоздание духовных семинарий и академий, старообрядчество вплоть до 90-х годов не могло и мечтать об открытии собственных духовных училищ – все попытки создать подобные училища натывались на сопротивление властей.

Двадцатому веку во многом удалось сделать то, чего не смогли достичь ни гонения, ни пытки – многие староверы отошли от веры своих отцов. Одной из главных причин такого отступления явилось то, что целые социальные слои, традиционно служившие опорой старообрядчества: торговцы, промышленники, кустари, мелкие предприниматели, кооператоры, крепкое крестьянство, казачество, – были уничтожены. Царская власть, преследовавшая староверов за их убеждения, все же не ставила перед собой задачу разрушения быта и социальной структуры, являвшихся «стержнем» старообрядческой религиозной жизни. Поэтому староверы «сравнительно легко переносили дискриминацию и открытые гонения. Полное же разрушение быта и общественных связей в подсоветской России самым трагическим образом сказалось на состоянии старообрядчества»³³.

Говоря о положении староверия в современной России (1990 – 2000-е гг.) нужно отметить, что, несмотря на политические, экономические и нравственные потрясения, переживаемые страной в данный период, все же были достигнуты и определенные позитивные результаты. Всплеск национально-религиозной и общественной активности 1980—1990-х гг. возродил и интерес к старообрядчеству. В общины различных согласий вновь стала приходить молодежь, причем не только потомки староверов. Староверы получили право свободно исповедовать древлеправославную веру – они снова могут молиться в своих храмах, не таясь исповедовать и проповедовать «древнее благочестие». В Российском государстве за последние годы были приняты новые законы о религии, которые гарантируют верующим старообрядцам их права и свободу следовать традициям своих предков. Восстанавливаются и вновь строятся храмы, открываются воскресные школы, издается церковная литература, оживают приходы. У староверов снова появляется возможность восстановить, укрепить и прославить «древнее благочестие». Но вот вопрос, подсказываемый самой историей старообрядчества: надолго ли? Тем более, что вызов сегодняшнего дня – глобальная массовая культура, являющаяся по сути «постхристианской», представляет для старой веры не меньшую опасность, чем открытые гонения.

В конце 90-х гг. XX в., согласно данным исследований, проведенных в 1997—2002 гг. под руководством Кестонского института (Великобритания) группой российских и английских ученых в рамках проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», в нашей стране существовали следующие старообрядческие согласия:

I. Беспоповцы, то есть не приемлющие священства, к которым относятся:

Древлеправославная Поморская церковь (поморцы) (ДПЦ) – самое многочисленное из беспоповских согласий (всего на постсоветской территории без Прибалтики – около 1 млн человек, в Прибалтике – около 250 тысяч, в России – примерно 800 тысяч). Сюда относятся староверы, приемлющие институт «бессвященнословного брака» и не имеющие церковной иерархии. Крупнейшие центры – Рига, Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Самара, Новосибирск;

христиане старопоморского безбрачного согласия (федосеевцы). Сюда относятся староверы, не приемлющие института брака. Долгое время (до революции) были крупнейшим беспоповским согласием (2—2,5 млн человек), однако процесс массового перехода в поморское брачное согласие и отделение от России ряда регионов (Польша, страны Балтии и Бело-

³³ История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней... С. 719.

руссия) привели к тому, что в настоящее время по экспертным оценкам количество их в РФ составляет порядка 10 тысяч человек. Крупнейшие общины – Московская и Казанская;

христиане соловецкого и старопоморского потомства (филипповцы). Крайне малочисленное согласие (не более 200—300 человек). Как и федосеевцы, безбрачники, но в настоящее время отличаются от них прежде всего практикой исключительно ночных (обычно после полуночи) богослужений, абсолютно закрытых для любых посторонних лиц. Основные центры: Южная Вятка, Кимры (Тверская обл.), район Каргополя (Архангельская обл.);

спасово согласие (устаревшее название – «нетовщина»). Поначалу отрицали необходимость богослужения и даже икон, надеясь только на Спаса. Впоследствии приняли богослужение поморского типа (т. е. бессвященнословное). Главное отличие Спасова согласия от других беспоповцев – отсутствие практики перекрещивания вновь приходящих из других деноминаций. Общины спасовцев в основном существуют в Поволжье. К этому согласию в настоящее время в России принадлежат порядка 30—40 тысяч человек;

часовенные. По происхождению – бывшие беглопоповцы, утратившие свое духовенство со времени гонений Николая I и вынужденно перешедшие к практике богослужений без священников по чину, принятому в часовнях, а не в церквях. С течением времени фактически стали беспоповцами, мало чем отличаясь по организации общин и богослужения от поморцев. Традиционные регионы – Северный Урал и Сибирь. Общая численность – до 300 тысяч человек;

истинно-православные христиане странствующие (странники, «бегуны» и «скрытники»). Практиковали перекрещивание и отказ от общения с миром (для «кряющихся», которые переходили с места на место, проповедуя и отказываясь от паспортов; пристанище им обеспечивали «жиловые» странники, оседло жившие в домах). В настоящее время наиболее заметны в Томской и Пермской областях;

мелхиседеки. Признавая себя священниками «по чину Мелхиседекову», сами совершают ряд действий, дозволенных по православному вероучению совершать лишь священникам. В настоящее время существуют две общины в Башкирии.

II. Поповцы, то есть приемлющие священство, к которым относятся:

Русская православная старообрядческая церковь (белокриницкой иерархии) – самое многочисленное из поповских согласий (около 1 млн человек). Возникло в 1846 г., когда после присоединения к старообрядчеству через чин проклятия ересей Босно-Сараевский митрополит Амвросий (Андрей Попович) возглавил старообрядцев-поповцев, долго искавших возможности воссоздать свою церковную иерархию;

Древлеправославная Патриархия Московская и всяя Руси (беглопоповцы новозыбковской иерархии) – от 100 до 500 тысяч человек. После возникновения белокриницкого согласия часть поповцев не признала белокриницкую иерархию и продолжала принимать «беглых» священников из господствующей церкви. В 1923 г. к ним перешел из господствующей церкви «беглый» архиепископ Саратовский и Петровский Никола (Позднев), а в 1929 г. – епископ Свердловский Стефан (Расторгуев), которые воссоздали у них церковную иерархию.

III. **единоверие**. Не представляет из себя самостоятельную церковь, но существует как единоверческое движение в виде общин различной юрисдикции – Московской патриархии, Русской зарубежной церкви (карловацкой), либо ИПЦ (Истинно-православная церковь, катакомбная), – практикующих дониконовский богослужебный чин. В настоящее время в России существует 8 приходов (крупнейшие – Москва, Санкт-Петербург, Нижегородская область), приблизительная численность единоверцев – 6—12 тысяч человек³⁴.

³⁴ Данные приведены по: Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. I. М., 2004. С. 169—254.

Как видим, количество старообрядческих согласий на нынешний момент весьма сократилось, а некоторые из них находятся уже почти на грани исчезновения. Однако несмотря на продолжающееся разделение среди старообрядцев, можно отметить удивительное духовное и культурное единство представителей различных старообрядческих согласий, обеспечиваемое как общностью образа жизни, так и общностью исторической судьбы.

Глава вторая. Главные духовные центры старообрядчества

Несмотря на запреты и гонения, практически не прекращавшиеся со времен царя Алексея Михайловича, многие русские люди продолжали придерживаться старой веры, причем это была самая убежденная часть русского народа – «последние верующие», как назвал их философ В. В. Розанов. Но и среди широких масс простого русского народа авторитет староверия был необычайно велик. В. П. Рябушинский пишет: «...русская «мужичья» нация... продолжала жить своей, отличной от барской, религиозной жизнью, находившейся под сильным влиянием старообрядчества. Последнее считалось нередко какой-то высшей, более совершенной формой православия, что продолжалось и в XIX веке. Мужик говорил: «мы по церкви (т. е. в господствующей церкви. – К. К.), люди мирские, суетные». Бывали случаи, что новообрядческого священника спрашивали: «а что, батюшка, не пора ли нам (при приближении старости) во святую-то веру (т. е. в старообрядчество) «»³⁵.

В условиях гонений старообрядцам было особенно необходимо созидать свою духовную жизнь, быть организованными, сплоченными, иметь своих пастырей, руководителей, участвовать в церковных таинствах, духовно питаться и расти. Нужны были духовные центры. Такими центрами становились старообрядческие поселения, по преимуществу монастыри и скиты. Отсюда осуществлялось руководство Церковью, рассылались на приходы священники и наставники, составлялись всевозможные соборные послания к верующим, писались сочинения в защиту староверия, воспитывались апологеты и проповедники древлеправославия. В некоторых местах сосредотачивалось несколько скитов и монастырей, объединявшихся под руководством ведущего монастыря, наиболее видного и уважаемого. Таких духовных центров в истории старообрядчества было несколько. Наибольшую известность получили Выговское поморское общежительство, Керженец, Стародубье, Ветка, Иргиз, Преображенское и Рогожское кладбища в Москве, Малоохтинское, Волковское и Громовское кладбища в Петербурге, Гребенщикова община в Риге.

Все эти духовные центры одновременно являлись и «культурными очагами», где бережно сохранялись ростки русской культуры и получали творческое продолжение древние традиции. Именно старообрядцам принадлежит честь сохранения традиций книгописания, иконописи, древнего знаменного пения, многих народных промыслов, наконец, самого русского уклада жизни. Эти традиции древнерусской культуры бережно сохранялись в старообрядческих духовных центрах.

³⁵ Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. Москва. – Иерусалим, 1994. С. 52.

2.1. Выговское поморское общежитие

Знаменитое Выговское поморское общежитие (киновия), основанное в Заонежье в 1694 году Андреем Денисовым (князем Мышецким) (1674—1730) и Даниилом Викулиным (1653—1733), оказало огромное влияние на культуру и быт крестьян Русского Севера, став, подобно большинству древнерусских монастырей, центром книжности. Уже через несколько лет Выговская пустынь превратилась в обширное поселение – Данилов, где жило более 2 тысяч человек. Здесь было создано крупное многоотраслевое хозяйство, включавшее в себя земледелие, скотоводство, охоту, морские рыбные и звериные промыслы. В 1710 г. на Каргополье выговцами была основана Чаженгская пустынь площадью около 250 кв верст, которая стала основной житницей Выга, а в 1731 г. – пристань Пигматка на Онежском озере, через которую осуществлялась вся выговская торговля. Выговцы имели свой небольшой флот и занимались рыбным промыслом на Выгозере и Водлозере, на Белом море, между Печорой и Мезенью, на Мурманском берегу, а позднее на Новой Земле и Груманте (Шпицбергене), занимались перепродажей хлеба с Поволжья в Петербург. По некоторым данным, выговские мореходы в своих плаваниях добирались даже до Северной Америки! На Выге появились кузнечный промысел, обработка кож, выгонка смолы и дегтя, изготовление пряжи. Здесь добывались медная и серебряная руда. Даниловские рубли ходили по всему северу и ценились выше казенных. В год вырабатывалось до 300 пудов медных изделий: литых старообрядческих крестов, икон, складней. Уже в 1720-е гг. выговцам удалось добиться экономического процветания пустыни.

Прочная экономическая база позволила выговцам осуществить программу широкого культурного строительства. В пустыни сохранялись древнерусские традиции книгописания, иконописи и знаменного пения, были созданы школы для обучения грамоте и пению, собрана библиотека, включавшая в себя почти все древнерусское книжное наследие. Современники называли Выг староверческими Афинами.

Выговское поморское общежитие ставило перед собой серьезные культурные задачи. Одной из составляющих программы культурного строительства была система образования. Она включала в себя две ступени и предусматривала общее и профессиональное образование. На первой ступени учащиеся обучались чтению по Псалтырю и Часовнику, а также письму и древнерусскому церковному пению по знаменам (крюкам). Второй ступенью системы образования было профессиональное обучение. Проявившие свои таланты и способности могли получить специальное образование, определявшееся нуждами общежития, – прежде всего требовались писцы, писатели и иконописцы.

Своеобразно и неповторимо изобразительное искусство старообрядцев Выга, в особенности книжная миниатюра, медное литье, иконопись. Рукописные выговские книги распространялись по всей России. Богатейшее культурное наследие Выговской поморской пустыни красноречиво опровергает распространявшийся синодальными миссионерами лживый миф о неграмотности и «серости» старообрядцев. «Тогда как представители официальной церкви презрительно называли поборников древнего благочестия „мужиками и невеждами“, старообрядческие писатели создавали сочинения, ни в чем не уступающие произведениям признанных литературных авторитетов петровского времени, таких, как Димитрий Ростовский и Феофан Прокопович. Более того, имел место случай, позволивший выговским книжникам с блеском продемонстрировать свои глубокие филологические и источниковедческие познания. В начале XVIII века для борьбы с расколом были написаны „Соборное деяние на еретика Мартина“ и Феогностов требник, выдававшиеся за древние рукописи, якобы обличавшие старообрядчество. Выговцам удалось доказать их подложность. Внимательно изучив рукописи, Андрей

Денисов и Мануил Петров обнаружили, что текст написан по соскобленному, начертания букв не соответствуют древним, а листы пергамента переплетены заново»³⁶.

Выговская поморская пустынь была самой настоящей «культурной столицей» старообрядчества. Вторая половина XVIII и первая четверть XIX в. стали для Выговского общежителства временем процветания. Лишь в царствование Николая I последовал ряд карательных мероприятий, закончившихся полным разгромом Выга. Вскоре после поездки чиновника Хомутова в 1835 г. по Олонецкой губернии выговских поморцев сравнивали в части землевладения и налогообложения со всеми казенными крестьянами. С часовен сняли колокола, в монастыре было запрещено проживать молодым людям и устраивать моленные. В 1838 г. пашенные дворы были отняты у старообрядцев. В 1844 г. на Выг переселили 53 крестьянские семьи из Псковской губернии, которые были «известны любовью к православию и тверды в вере». В 1854 г. Министерство внутренних дел предписало олонецкому губернатору все молитвенные здания, построенные в Данилове и Лексе между 1722 и 1809 гг., сломать, так как из-за закона, запрещавшего производить ремонт этих построек, они пришли в ветхость. В 1855 г. записные старообрядцы были высланы по месту приписки. Данилово и Лекса обращены в селения государственных крестьян, с открытием в каждом прихода господствующей церкви. Все эти меры, по словам губернских чиновников, чуть не привели к волнениям среди старообрядцев, но так как их осталось слишком мало, то дело ограничилось «одним прискорбием».

Просуществовав 150 лет, испытав величайший подъем как в религиозно-нравственном, так и в хозяйственном отношении, Выговское общежителство пало. «Даниловский погром», предпринятый правительством, нанес огромный ущерб не только экономическому и культурному развитию края, но и всей русской культуре. Через 50 лет после погрома, по свидетельству писателя М. Пришвина («В краю непуганых птиц»), посетившего эти края, на месте Даниловского монастыря уже почти ничего не осталось, лишь новообрядческий священник, не имеющий паствы, служил литургию в пустом храме. Сегодня на месте Выговского общежителства никаких следов бывших поселений не сохранилось.

Но, несмотря на столь печальный конец, Выговское общежителство и после своего разгрома продолжало осуществлять «посмертное» (культурное) влияние на жителей Русского Севера. И не одного только Севера, поскольку представительства (подворья) общежителства имелись в Петербурге, Архангельске, поволжских городах. Их цепочка протянулась от Верх-окамья через Урал (Таватуй, Невьянский завод), Кошутскую пустынь на р. Тавде, Тобольск, Ишимские степи в Сибирь, вплоть до Алтая. После того как Выговское общежителство утратило роль идейно-организационного центра всего поморского согласия, выголексинские литературно-художественные традиции оставались определяющими практически для всех беспоповских течений староверов.

³⁶ Юхименко Е. М. Старообрядческая столица на севере России // Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни: Каталог выставки. М., 1994. С. 10.

2.2. Невельское федосеевское общежительство

Вскоре после возникновения Выговской пустыни и основания поморского согласия от него отделилось федосеевское (самоназвание – старопоморское) согласие. Его основателем стал известный новгородский начетчик Феодосий Васильев (1661—1711), происходивший из древнего рода князей Урусовых. В его Житии говорится: «Бяше муж остроты чудных, ума скоропостижного, смысла многоплодного, яко зело мало даде сна своим очима и векома дремания. Желательнее ему бяша пищи и пития божественных словес прочитание. Сладостен бяше во утешении, разумнословесен в поучении, зело благоприятен в увещании»³⁷. Будучи дьяконом Крестецкого Яма, он примкнул к поморскому согласию и получил при крещении имя Дионисия. В 1699 г. он вместе с матерью и сыном переселился в Польшу, в Невельский уезд, где был принят паном Куницким. «За ним множество христиан от градов, весей и сел, потекоша во след его, желающе древлецерковное святое Православие не мятежно соблюсти», – говорится в его житии. Всего собралось у Феодосия «мужеска пола до 600, девиц же и жен до 700». Были здесь люди разного звания – от простых крестьян до дворян, людей знатного происхождения, но все они обязывались соблюдать строгое целомудрие.

С разрешения польских властей близ деревни Русановой, Кропивенской волости, были устроены две обители: мужская и женская. «В обителях же овиих (обеих) служба Божия: вечерня, павечерня, полунощница, утренья, часы, молебны и панихиды, со чтением и сладкогласным пением, святым старопечатным книгам вся по уставу, чинно и красно вельми, на кийждо день исправляшеся». Во время трапез, которые были общими, читались поучения. Хлеб и другие продукты тоже были общими. Одежда, обувь и прочие необходимые вещи выдавались из общей казны. Имелись в обителях моленные, больницы, богадельня, многочисленные хозяйственные постройки, в которых постоянно на общую пользу работали все члены общины. Насельники обителей, в основном, занимались хлебопашеством. «Праздность – училище злых», – постоянно напоминал Феодосий, сам подававший пример трудолюбия и принимавший деятельное участие во всех работах. Феодосий пользовался у своих единомышленников огромным авторитетом. Он был человеком начитанным, энергичным и уверенным в правильности своих идей. Его знали в самых отдаленных местах. Наличие же двух обителей позволяло давать приют многим беглым старообрядцам из России.

Однако, несмотря на общность имущества и соблюдение правил безбрачия, Феодосий не считал свои общежительства монастырями. Для его последователей Невельская община и подобные ей были всем «христианским миром», где они жили особо от греховного мира, завоеванного антихристом. «Это был особый мир людей, почитавших себя избранными Богом для спасения, которые решительно отмежевывались от постороннего, греховного и погрязшего в светскую жизнь человечества. Вне общины все принадлежало антихристу, в домах, на полях, на торгах была его печать, и извне общины были возможны лишь грех и великая погибель»³⁸.

Так они прожили девять лет. Трудолюбие и аскетический образ жизни насельников вскоре привели к хозяйственному процветанию обителей. Однако основанные Феодосием обители начали подвергаться грабительским нападениям польских солдат (жолнеров). Многие из братии во время этих набегов погибали. Тогда решено было искать новых мест. За это время Феодосий окончательно разошелся с выговцами в вопросах вероучения и образовал собственное согласие (1706).

³⁷ Цит. по: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование изначальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. XVIII.

³⁸ Цит. по: Чуванов М. И. Введение в историю Древлеправославной Староверческой Церкви. С. 217.

В России в это время гонения на староверов приутихли, и Феодосий решил вернуться на родину. При содействии царского любимца князя А. Д. Меншикова, которого он знал лично, Феодосий получил в 1708 г. разрешение переселиться со всей братией на земли князя в Псковской губернии, в Великолуцком уезде (Вязовская волость), причем им была обещана «в вере их вольность» и разрешено молиться по старопечатным книгам. Здесь также были устроены две общежительные обители – мужская и женская. По легенде, именно здесь Феодосий встречался с царевичем Алексеем Петровичем, тайно сочувствовавшим старой вере. Однако в этих местах федосеевцам недолго пришлось пожить. Из-за неурожайных земель и эпидемии смертоносной язвы, истребившей почти всех насельников, наступило «великое оскудение и нужда», и Феодосий вынужден был отправиться в Новгород, чтобы хлопотать о переносе обителей под Юрьев Ливонский (ныне Тарту), на Ряпину Мызу. В Новгороде он был схвачен воеводой Корсаковым и выдан новгородскому митрополиту Иову, который заключил его в темницу. Здесь Феодосий Васильев скончался от истязаний в 1711 г.

2.3. Ряпина Мыза

Ряпина Мыза в Юрьевском уезде (Юрьев Ливонский – нынешний Тарту, на территории Эстонии) была подарена князем Меншиковым во владение Феодосию Васильеву еще в 1710 г. Однако на новое место федосеевцы переселились, когда место Феодосия занял уже его сын Евстрат (до 1689 – 1768).

«Плодородная земля, обширные лесные пространства, река, отдаленность от центров – все это благоприятствовало процветанию обители. Для нужд обители были устроены кузница и ряд других хозяйственных построек. Главным источником существования являлось хлебопашество и рыболовство. „И живяху Божиею милостию снабдеваемы, в великом изобилии хлебом и рыбою и прочими потребами“ („Житие Феодосия Васильева“)»³⁹.

Здесь федосеевцы прожили до 1719 г., когда по доносу их бывшего наставника Константина Федорова, присоединившегося к господствующей церкви, к ним была послана военная команда, разорившая новые обители. Поводом к разорению послужил ложный донос о скрывающихся беглых солдатах. Многие, испугавшись, бросили все и разбежались кто куда мог – Евстрат Васильев бежал в Польшу, где продолжил свою проповедь. Другие бежали в Курляндию, Лифляндию, Валахию, Стародубье и иные места, благодаря чему федосеевское учение распространилось по всей России, так что вплоть до конца XIX в. последователи Феодосия Васильева оставались самым многочисленным беспоповским согласиём в России. Несмотря на то, что донос оказался ложным, в 1722 г. Ряпинская обитель была уничтожена, а колокола, иконы и старинные книги были отвезены в Юрьевскую Успенскую церковь.

Традиции Невельского общежития и Ряпинской обители впоследствии были продолжены известным на всю Россию Преображенским кладбищем в Москве.

³⁹ Заволоко И. Н. История Церкви Христовой. Рига, 1991. С. 152.

2.4. Керженец

Главными центрами старообрядцев-поповцев были Керженец, Гуслицы, Дон, Стародубье и Ветка. Керженец – название реки, протекающей по Семеновскому уезду Нижегородской губернии и впадающей в Волгу. По нему называется вся местность вдоль течения реки. Первыми учителями на Керженце были иеромонах Авраамий и монах Ефрем Потемкин. Вскоре после начала гонений на старую веру сюда стали стекаться старообрядцы со всей Руси. Селились в основном в непроходимых Чернораменских лесах, а особенно по рекам Керженцу и Бельбашу, где вскоре появилось множество скитов. Здесь существовало до сотни обителей – как мужских, так и женских, в которых спасалось более семисот иноков и около двух тысяч инокинь. Вообще в начале XVIII в. в Нижегородских пределах (в самом Нижнем Новгороде, в Юрьеве, Городце, Чернораменских лесах, на Ветлуге и еще в семи городах там же) насчитывалось 122 258 старообрядцев – огромная по тем временам цифра. Вся окрестность реки Керженец была населена преимущественно старообрядцами-поповцами. В Керженских обителях проводили они свои соборы, здесь принимались «беглые» священники, ушедшие из господствующей церкви, отсюда они посылались по всей России для исправления церковных треб, здесь составлялись сочинения в защиту старой веры, воспитывались ее защитники и проповедники, писались иконы и книги.

При Петре I началось страшное гонение на керженцев, главным инициатором которого выступил нижегородский архиепископ Питирим. Многие керженские старообрядцы были в это время сосланы на каторгу, подвергнуты пыткам, другие – казнены. В Нижнем Новгороде в 1720 г. был всенародно казнен старообрядческий диакон Александр, участвовавший в составлении знаменитых «Дьяконовых ответов» на вопросы Питирима. Ему отсекали голову, а тело сожгли и пепел бросили в Волгу. В результате Питиримовых гонений огромные толпы старообрядцев бежали отсюда в более отдаленные области Российского государства, а иные – и за границу. Однако, несмотря на разорение этого духовного центра, многие керженские скиты продолжали существовать вплоть до николаевских гонений середины XIX в. Их жизнь в этот период прекрасно описал П. А. Мельников-Печерский в своих романах «В лесах» и «На горах».

2.5. Гуслицы

В собственном смысле слова, Гуслицы – не духовный центр старообрядчества, а старинное название подмосковной местности в юго-восточной части Богородского уезда с прилегающими районами Рязанской и Владимирской губерний (территория части современного Орехово-Зуевского и Егорьевского районов Московской области) по реке Гуслице, притоке Нарской, впадающей в Москву-реку. Общая площадь – ок. 400 кв. км. Здесь расположены города Орехово-Зуево, Егорьевск, Куровская. Это местность традиционного расселения старообрядцев всех согласий, которая сыграла видную роль в истории старообрядчества, но особенно – в истории старообрядцев-поповцев (часто слово «гуслицкий» прямо означает – поповский, применительно, например, к письму или медному литью).

Здесь в конце XVII – начале XVIII вв. селились беглые староверы-поповцы. В XVIII – XIX вв. в гуслицких селах и деревнях занимались торговым хмелеводством, производством роговых изделий (гребней), повсеместно изготавливали хлопчатобумажные ткани, реже – шелк и канитель, занимались крашением тканей, их набойкой, добычей глины и изготовлением фаянсовой посуды, изделий из дерева, извозом и торговлей. В Гуслицах получили развитие иконопись, меднолитая пластика, шитье лестовок (старообрядческих четок). В 60–70-х гг. XIX в. в промышленной слободе Абрамовке функционировала подпольная старообрядческая типография крестьянина Е. П. Пискунова.

В Гуслицах был создан свой неповторимый стиль, получивший название «гуслицкого». Так, например, гуслицким литьем именуется медное литье икон и крестов, имеющих соответствующие особенности стиля поповцев (в отличие от «поморского» или «выговского» литья беспоповцев). Гуслицким письмом называется характерный стиль оформления рукописных книг, принятый в среде поповцев (в отличие от «поморского» письма беспоповцев). Этот стиль появился в XVIII в. Для местных нужд книги в подмосковных Гуслицах писали еще в XVII в., но в начале XVIII в. книги гуслицкого письма стали появляться в продаже. Особенно известны были певческие (крюковые) рукописи гуслицкой работы. «Гуслицкая» манера оформления книг сложилась к последней четверти XVIII века.

В Гуслицах также сложился своеобразный очаг производства рисованного лубка, иконописи. Гуслицкие иконописцы работали далеко за пределами родных мест. Так, например, в конце 40 – начале 50-х гг. XIX в. на Среднем Урале власти выявили свыше двух десятков гусяков, по много лет занимавшихся писанием икон в Екатеринбурге (более десяти человек), в Нижне-Тагильском, Невьянском, Верхне-Тагильском и других заводах. Их заказчиками были не только старообрядцы, но и члены господствующей церкви. Многие гуслицкие иконописцы занимались также перепиской певческих книг.

В настоящее время Гуслицы продолжают играть заметную роль в старообрядчестве. Здесь находится подавляющее большинство приходов Русской православной старообрядческой церкви (белокриницкой иерархии) в Московской области.

2.6. Стародубье

Так называлась местность, находившаяся в северной части Малороссии (в Стародубском, Новозыбковском и Суражском уездах Черниговской губернии). Здесь в XVII—XVIII столетиях были основаны посады Клинцы, Святск, Климово, Митьковка, Елеонка, Воронок, Лужки, Зыбкая (ставшая впоследствии городом Новозыбковым), населенные практически одними старообрядцами. Как и другие места традиционного расселения старообрядцев, Стародубье отличалось обилием рек, болот и непроходимыми лесами. При этом рядом была граница с Польшей и Литвой. Основателем первого поселения (1669) на р. Ревне был московский священник Кузьма. В 1670 г. здесь уже было четыре слободы: Белый Колодезь, Синий Колодезь, Шелома и Замешево. Немного позже возник посад Митьково, или Митьковка, основанный выходцами из Тульской и Калужской губерний.

После утверждения инквизиторских «Двенадцати статей» царевны Софьи полковнику стародубского полка было приказано применить их к здешним старообрядцам. Это вынудило старообрядцев уйти за литовскую границу, которая была в 15 верстах от них. Там они нашли удобное для поселения место, названное Веткой. Стародубье запустело на 20 лет. Во время вторжения шведского короля Карла XII и измены гетмана Мазепы еще остававшиеся в Стародубье старообрядцы оказали важную услугу отечеству, нападая на малые отряды шведов, отбивая у них обозы, ведя партизанскую войну. В награду за это Петр I утвердил за старообрядцами те земли, на которых они поселились. Это обстоятельство дало новую жизнь стародубским слободам, которые разрослись больше прежнего. В это время Стародубье по населенности соперничало с Веткой. К концу XVIII в. здесь уже было три мужских монастыря, главный из которых Покровский, и один женский – Казанский, в посадах было 17 церквей, 16 открытых часовен и множество домашних моленных и скитских келий.

И по сию пору существуют города и селения, где живут многочисленные потомки старообрядцев: Клинцы, Святск, Климово, Митьковка, Воронок, Лужки, Новозыбков (в настоящее время относятся к Брянской области).

2.7. Ветка

Веткой назывался остров на реке Сож, а также слобода, основанная старообрядцами в 1685 г. неподалеку от города Гомеля и получившая свое прозвание по имени острова. В дальнейшем Веткой стала называться вся эта обширная местность, населенная старообрядцами. В конце XVII в. эта местность находилась за литовским рубежом, поэтому сюда бежали старообрядцы из Стародубья, когда царевна Софья и патриарх Иоаким стали применять против них вооруженную силу. Пан Халецкий, которому принадлежал этот остров, получая с беженцев немалый оброк, стал для них надежной защитой против попыток российских властей вернуть старообрядцев для расправы. Из разных мест России на Ветку устремился поток гонимых за веру христиан. В самое короткое время старообрядцы населили 14 больших слобод. К началу XVIII в. Ветка сделалась средоточием старообрядцев-поповцев, здесь было до 40 000 жителей, появились и монастыри, мужские и женские. Усилению Ветки способствовало то, что священноиннок Феодосий, прибывший сюда в 1695 г., основал церковь и в сослужении иереев Александра и Григория на древнем антимице освятил ее во имя Покрова Богородицы. Это была первая построенная старообрядцами церковь, в которой регулярно стала совершаться литургия.

Усилия по разорению Керженца, предпринимавшиеся по поручению Петра I нижегородским архиепископом Питиримом начиная с 1706 г., превратили Ветку в признанный центр поповцев. Питирим в 1715 г. предлагал императору Петру истребить и Ветку, говоря что «велия будет в том польза, понеже бежать будет некуда», однако Петр не решился на военные операции в чужих владениях. Тем временем ветковские старообрядцы возглавили поиски архиерея для восстановления полноты иерархии в старообрядчестве, прерванной со времени мученической кончины епископа Павла Коломенского.

За некоторое время до 1730 г. они обращались с просьбой о рукоположении епископа для них к Иерусалимскому патриарху Хрисанфу. В 1730 г. ветковцы обратились к митрополиту Ясскому Антонию с просьбой поставить им епископа из их собственной среды. В Яссы был направлен кандидат – инок Павел, казначей Покровского ветковского монастыря. Прошение старообрядцев было поддержано паном Халецким и господарем молдавским. Митрополит Антоний медлил с решением дела, и в 1731 г. старообрядцы обратились к патриарху Константинопольскому Паисию II, который дал согласие при условии, чтобы поставляемый клятвенно обещал во всем следовать учению «православной церкви». Старообрядцы на это не согласились, и поиски были продолжены. Однако завершить их в то время не удалось. В 1735 г. по именному повелению императрицы Анны Иоанновны пять армейских полков под командованием полковника Я. Г. Сытина окружили слободы и увели в Россию 14 000 человек, осуществив первую так называемую выгонку Ветки. Начальствовавший тогда на Ветке священноиннок Иов был сослан в Иверский валдайский монастырь, где и скончался. Погибли многие древние иконы и уникальное собрание книг Лаврентьевского монастыря.

Однако через пять лет старообрядцы вновь густо населяют Ветку, строят сначала часовню, а затем новый большой храм во имя Покрова Богородицы, который был освящен на древнем антимице в 1757 г. при служении пяти священников и диакона. В скором времени здесь образовался и монастырь, в котором было до 1 200 иноков под началом настоятеля священноинока Михаила (Калмыка). Вторая «выгонка» Ветки последовала при императрице Екатерине II в 1764 г., когда генерал-майор Маслов угнал на поселение в Сибирь почти 20 000 жителей. Многие же из иночествующих перешли на жительство в Стародубье, куда удалось перевести по бревнышку и вновь построить ветковскую Покровскую церковь, заново освященную в 1765 году.

Устав Ветковской Церкви, ее обычаи распространились по России. Ветка дала и своеобразную школу иконного письма, в которой наследие ярославской, московской школ и царских писем сочеталось с более поздней техникой золотопробельного письма.

2.8. Иргиз

Иргиз – местность в степном левобережье Волги, вдоль реки Большой Иргиз (ныне Саратовская область), где по манифесту императрицы Екатерины II от 4 декабря 1762 г. было разрешено свободно поселяться и отправлять богослужение возвращавшимся из Польши старообрядцам (в основном выходцам с Ветки). Само переселение совершалось весьма просто: люди на границе объявляли свои имена и, взяв документ – рапорт, отправлялись в Саратовское воеводство для поселения на отведенных местах. Первоначально места здесь были глухие и дикие, сплошь покрытые лесами, где ютились не только звери, но и лихие люди, так что даже на реку за водой ходили с оружием. Колонизируя этот край, старообрядцы превратили его в житницу России, построили большие слободы, вокруг каждой из которых выросло по несколько монастырей-скитов.

Первым иргизским монастырем стал мужской так называемый Авраамиев скит, основанный иноком Авраамием в том же 1762 г. в 50 км от Вольска вверх по течению Большого Иргиза, на его левом берегу, у озера Монастырское. В 1786 г. вместо прежней часовни здесь был построен храм Воскресения Христова, после чего монастырь стал известен под названием Нижне-Воскресенского. В Воскресенском соборе хранилась складная деревянная походная церковь с семью главами, освященная в честь Иоанна Крестителя, в которой, по преданию, молились москвичи еще во время татарских нашествий. В 1795 г. здесь дополнительно был выстроен зимний храм во имя Рождества Богородицы с приделом апостола Иоанна Богослова. Нижне-Воскресенский монастырь был насильственно обращен в единоверие в 1829 г. Из числа его почти 60 насельников, воспротивившихся этому, одни были отданы в солдаты, другие сосланы в Сибирь.

Чуть позже 1762 г. на острове лесного озера Калач (в 1,5 км от Большого Иргиза и в 115 км от Вольска) возник мужской Исаакиев скит, названный по имени настоятеля священноинока Исаакия. В 1764 г. здесь была построена Покровская часовня, позже, после пристройки к ней алтаря, освященная как Введенская церковь. В 1783 г. строится второй, Успенский, храм. До страшного пожара 1798 г., уничтожившего все постройки, монастырь был известен как Верхне-Успенский. В 1799 г., в том числе и на средства, дарованные Иргизу императором Павлом, возобновляется сгоревший Введенский храм, а в 1804 г. был выстроен Преображенский собор. С тех пор монастырь именовался Верхне-Спасо-Преображенским. Верхне-Спасо-Преображенский монастырь был насильственно обращен в единоверие в 1841 году.

Пахомиев мужской скит, основанный священноиноком Пахомием и иноком Филаретом, после появления в нем в 1790 г. холодного Никольского храма с колокольной стал известен под именем Средне-Никольского монастыря. В 1798 г. строится еще и теплая Покровская церковь. При обращении монастыря в единоверие в 1837 г. сопротивление его насельников было особенно сильным, и власти использовали против них в зимнее время пожарные брандспойты. С 1843 г. этот монастырь был преобразован в женский единоверческий, куда переселили тех инокинь соседнего женского Средне-Успенского монастыря, которые отступили от старой веры.

Средне-Успенский монастырь был прежде известен как Анфисин скит, основан в 1783 г., в 1,5 км от слободы Мечетной (ныне город Пугачев) и полностью сгорел в 1815 г. После пожара инокини переехали на новое место, в 2 км от мужского Средне-Никольского монастыря, и выстроили здесь Успенскую часовню. Маргаритин женский скит, основанный инокиней Маргаритой по благословению с Рогожского кладбища, помещался близ озера Калач, в 5 км от Верхне-Спасо-Преображенского монастыря. В 1782 г. здесь была освящена Покровская часовня, а в 1841 г. этот, получивший также название Покровского, женский монастырь был полностью уничтожен властями.

Влияние иргизских монастырей на жизнь старообрядцев-поповцев в России невозможно переоценить. Священники этих монастырей окормляли великое множество приходов даже в других губерниях. По воцарении императора Александра I зафиксирован случай, когда 12 мая 1803 г. старообрядцам села Городца Нижегородской губернии местные губернатор и архиерей разрешили приглашать к себе по необходимости священника с Иргиза. Одно лишь ограничение накладывалось на этого священника: ему запрещалось служить вне того селения, в которое он был выписан. Спустя 10 лет власти стали строже смотреть на деятельность Иргиза. В 1816 г. старообрядцы Владимирской губернии просили позволить им принять к себе иргизского священника, 9 ноября в просьбе им было отказано. Гнев правительства вызвал случай в Вольске, где 4 000 старообрядцев без формального разрешения построили храм, приняли к себе с Иргиза двух священников и диакона, которые в 1817—1818 гг. открыто служили и даже совершали торжественные крестные ходы с колокольным звоном. Сведения об этом дошли до Министерства внутренних дел, возникло следственное дело, которое чуть было не кончилось изгнанием «бегствующих» священников из самих иргизских монастырей.

В 1821 г. правительство потребовало от иргизских монастырей дать подписку, что они не будут принимать к себе «бегствующих» священников. Требуемая подписка не была дана – старообрядцы объяснили, что не могут добровольно лишиться священников, а если все-таки это случится, то они вынужденно перейдут в федосеевское или иное беспоповское согласие. В то же время они дали обязательство не принимать священников, отлучившихся от своих приходов без ведома архиерея, а принимать только уволенных, удаленных от приходов, но не запрещенных в служении. О приеме таких священников они обещали ставить в известность гражданское начальство. Правительство не согласилось с этими доводами. В 1821 г. иргизским монастырям было предписано: 1) беглым духовным лицам не позволять ни под каким предлогом отлучаться от монастырей под опасением взыскания за бродяжничество; 2) вновь беглых священников и диаконов не принимать. Затем в изданных 26 марта 1822 г. общих правилах для начальников губерний относительно бегствующих священников была сделана первая попытка квалифицировать их действия как уголовные, но сам состав преступления еще никак не определялся. Через пять лет, 28 октября 1827 г. было сделано распоряжение, по которому к уголовно наказуемым деяниям уже был прямо отнесен переход в старообрядчество. Тем самым государственное законодательство вновь вернулось от почти либерального отношения к старообрядцам при Екатерине II ко временам драконовских «Двенадцати статей» царевны Софьи.

Поскольку в 1832 г. император Николай I отнял у иргизских насельников все права, дарованные при Екатерине II, в том числе право иметь легальных священников, которым выдавали паспорта для передвижения по всей России, именно в этих монастырях впервые появилась мысль об учреждении старообрядческого архиерейского престола за границей (эта идея была впоследствии осуществлена, когда в 1846 г. к старообрядчеству присоединился Босно-Сараевский митрополит Амвросий).

По данным 1828 г., число иноков и инокинь во всех пяти монастырях Иргиза составляло около 3 тысяч человек. При монастырях были богатые ризницы, библиотеки. Настоятели и настоятельницы избирались иноками и инокинями, затем утверждались удельной конторой (центральный ведомством, управлявшим собственностью царской фамилии, которой принадлежали земли Иргиза), а позднее – губернской казенной палатой (местный орган министерства финансов). Обладая правами и обязанностями сельских старост, настоятели представляли интересы насельников перед гражданской властью. Письменными сношениями с властями ведал настоятель Средне-Никольского монастыря. После передачи Иргиза в ведение губернского начальства был запрещен прием новых насельников, а уже жившим там было запрещено свободное передвижение по России. При таких условиях разорение монастырей

на Иргизе стало неизбежным, и впоследствии все монастыри Иргиза были насильственно обращены в единоверие.

2.9. Преображенское кладбище

Известный старообрядческий писатель В. Сенатов справедливо назвал основанные в 1771 г. в Москве Преображенское и Рогожское кладбища «старообрядческими кремлями», едва не затмившими славы и блеска единого общерусского московского Кремля. Один из этих кремлей – Преображенское кладбище – «превратился в культурный, экономический и религиозный оплот... беспоповской половины старообрядчества. Благодаря отсутствию иерархии при внутренней ее „ненужности“, здесь образовалась своя иерархия, и кладбище сделалось „Сионом“, то есть для огромной народной массы приобрело такое значение, какого не имел даже исторический московский Кремль. Преображенское кладбище для старообрядцев-беспоповцев было то же, чем Иерусалим для иудеев и христиан; его главный наставник, в особенности Семен Кузьмич, пользовался в своих народных массах таким высоким авторитетом и уважением, какого не имели ни Платон, ни Филарет синодальной церкви. Его называли „патриархом“, к его воле относились как к Божией воле, его благословение превратилось в самую сущность святости»⁴⁰.

Преображенское кладбище было основано Ильей Алексеевичем Ковылиным (1731—1809) в Москве 14 сентября 1771 г. для содержания больных и погребения умерших от свирепствовавшей тогда в городе чумы беспоповцев. С XIX в. оно стало духовно-административным центром всего федосеевского согласия. Здесь проходили федосеевские соборы 1810, 1814, 1816, 1817 и последующих годов, отсюда распространялись письменные обращения «ко всем христианам», Преображенский богослужебный устав стал образцом для подражания. С духовным авторитетом росло и материальное благосостояние общины. Так как дети федосеевцев властями почитались незаконными, то обычный порядок наследования был нарушен. Не имея возможности оставлять имущество близким, федосеевские купцы передавали все нажитое в общину, которая беспроцентно (и даже иногда безвозвратно) ссужала деньги одноверцам.

В основном сохранившийся до наших дней комплекс зданий был выстроен в 1784—1811 гг. по проекту архитектора Ф. К. Соколова. По пространственному замыслу комплекс подражает Выговской пустыни, с делением на северный (мужской) и южный (женский) монастыри. По преданию, до основания Преображенского кладбища федосеевцев в Москве насчитывалось около 20 домов; после его образования к 1825 г. число их за счет присоединения местного населения возросло до 12 тысяч прихожан и 2 тысяч призреваемых. Согласно указу от 1 сентября 1771 г., в котором населению предлагалось «учредить на свой кошт карантинные дома и лазареты», И. А. Ковылин подал прошение разрешить «построить против Преображенского в земляном валу карантин для больных». Здесь была устроена застава для контроля проезжающих, построены бараки, небольшая деревянная часовня для отпевания умерших беспоповцев, отведено место для погребения. После конца эпидемии вокруг кладбища в оставшихся бараках начали проживать вдовы и сироты умерших беспоповцев. Это кладбище быстро приобрело важное значение в жизни согласия. Изменился его облик. Московский главнокомандующий А. Прозоровский доносил 25 октября 1792 г. Екатерине II: «Близ Преображенской заставы, в самом Камерколлежском валу, находится часовня, для которой вал сей заровняли, чтоб более дать место погосту. Сия часовня каменная представляет наружность церкви, около оной довольно каменного жилого строения, в котором они (беспоповцы) содержат богадельню более 1000 человек».

В 1784 г. была построена соборная часовня во имя Успения Богородицы, в 1805—1808 гг. – надвратная Крестовоздвиженская часовня на мужской половине. В 1805 г. на женском дворе строились шесть каменных корпусов с моленными: Покровской, Всемилоостивого

⁴⁰ Сенатов В. Г. *Философия истории старообрядчества*. С. 16.

Спаса, Преображенской (над воротами), Богоявленской (и преподобного Зотика) в больничных палатах, Успенской (и Иоанна Богослова, и Николы чудотворца) и Ильинской. В 1811 г. закончено строительство Крестовоздвиженской часовни на женском дворе. Кирпич для строительства предоставил Ковылин со своих заводов. Палаты были обнесены белой кирпичной стеной с башнями по углам. Для украшения моленных были использованы иконы только древлеписанные, дораскольные. В 1802 г. Ковылин через Министерство внутренних дел приобрел идущий на слом храм Сретения в Кремле (XVI в.) вместе со старинными иконами и убранством. Старинные иконы и утварь он скупал везде, где только они сохранились, в том числе и в новообрядческих монастырях и церквях.

И. А. Ковылиным и его помощниками был выработан «Устав Богаделенного дома на Преображенском кладбище», утвержденный властями 15 мая 1809 г. По этому Уставу преображенцы освобождались от опеки Духовной консистории, сами выбирали попечителей, были полностью автономны в своей внутренней жизни. В течение 37 лет Преображенское кладбище числилось как частная собственность И. А. Ковылина. Он оберегал его, постоянно раздавая «подарки» различным мелким чинам, покупая их лояльность. Законодательство Екатерины II и Павла I не знало юридического понятия старообрядческой общины. Старообрядцам – как отдельным лицам, так и целым обществам – вменялось в обязанность лишь соблюдение общих законов и правил общего для всех благочиния. Это отдавало их в полную власть низших чиновников, которые внимательно следили за старообрядцами, истолковывая всякую мелочь как нарушение общего благочиния. Любая мелочь могла привести к разрушению кладбища. Однажды И. А. Ковылин не дал обычного подношения какому-то мелкому чину. Последовал донос о незаконных действиях на Преображенском кладбище. Дело попало на решение к императору Павлу, который распорядился закрыть кладбище и снести все постройки. Кладбище удалось спасти ценою пирога с начинкой из 10 000 золотых полуимпериалов, поднесенного московскому обер-полицмейстеру генералу Воейкову. Пирог замедлил выполнение задуманного, а последовавшая смерть императора Павла предала указ забвению.

В 1816 г. из-за выборов новых попечителей Преображенского кладбища возник сильный внутренний раздор. Образовались две партии. Дело тянулось четыре года, наконец, в него были вовлечены власти. Дошло до императора Александра I, который выразил «гневное» неудовольствие относительно раздора и некоторых сторон вероучения федосеевцев (безбрачие, немоление за царя и пр.). Это послужило умалению гражданских прав кладбища и стало началом последующих репрессий правительства по отношению уже ко всему старообрядчеству.

В 1847 г. Николай I насильственно подчинил Преображенский богаделенный дом гражданским властям (с 1853 г. – Императорскому человеколюбивому обществу). Деревянные жилые постройки и больничные палаты были частично сломаны, а оставшиеся закрыты. В марте 1854 г. у федосеевцев отобрали Успенскую соборную часовню на мужской половине и передали единоверцам, а в 1866 г. вся мужская половина была передана Никольскому единоверческому монастырю. С тех пор центром московских федосеевцев неизменно остается Крестовоздвиженская часовня на бывшей женской половине (остальные шесть моленных на женской половине отобрали в 1920-х гг.). Главных руководителей кладбища репрессировали одного за другим: настоятеля Семена Кузьмина сослали в Полтавский монастырь, наставников Георгия Гавриловича – в Вятку, Андрея Ефимовича – в Харьков, попечителей Ф. А. Гучкова – в Петрозаводск, К. Е. Егорова – в Пензу.

3 октября 1883 г. был издан закон, предоставлявший некоторые права старообрядцам в их религиозной жизни. С 15 по 18 августа 1883 г. на Преображенском кладбище состоялся съезд 180 наставников. К концу XIX в. в Москве действовало около 17 федосеевских (в основном домовых) моленных, из них на кладбище – семь (в них состояло более 200 певцов и певиц). В главной соборной моленной кладбища служба совершалась повседневно.

После дарования свободы совести в 1905 г. жизнь федосеевской общины вновь оживилась. 1 августа 1905 г. на Преображенском кладбище был слышен первый разрешенный колокольный звон. В 1912 г. состоялась закладка больничного корпуса (архитектор Л. Р. Кекушев), который вскоре был выстроен крупным подрядчиком, членом общины М. М. Малышевым за полцены (по смете цена строительства определялась в 70 000 руб.).

После 1917 г. единоверческий монастырь распался, и в 1922 г. его храмы попали в руки обновленцев. Не найдя средств на их содержание, они оставили за собой западный Никольский придел Успенского храма, а центральную его часть продали староверам поморского согласия, изгнанным из своего храма в Токмаковом переулке.

В 1934 г. НКВД арестовал наставника федосеевской общины, но перед самым своим арестом тот успел тайно благословить своего преемника. Девять лет (до 1943 г.) духовный отец федосеевской Преображенской общины действовал подпольно.

С момента основания Преображенской федосеевской общины в ней с необыкновенной точностью исполнялся богослужебный устав. Никакие упущения в совершении служб не допускались. Так же строго соблюдался и временной порядок богослужений. О всенощных бдениях здесь всегда держались понятия в самом строгом, буквальном смысле слова – это богослужение, которое продолжается всю ночь и заканчивается утром. Сообразно с этим и всенощная служба начиналась не ранее 11 вечера, а заканчивалась часов в 5 или 6 утра. Всеми признавалось, что даже знаменитые староафонские монастыри не исполняют службу с такой точностью, как старообрядцы Преображенского кладбища. Однако в 1910-х гг. стал допускаться для заказных всенощных иной порядок, а именно: начало их приходилось на восемь часов вечера. Ныне же всенощные совершаются полностью вечером.

Свою историю на Преображенском кладбище имеет и филипповское согласие. В 1940 г. Никольскую часовню, построенную в 1804—1805 гг., находящуюся в самом некрополе, передали общине московских филипповцев, которая сохранялась там до самого конца 1980-х гг. Затем богослужения закончились из-за отсутствия прихожан, часовня была заперта, а ключ в 1990 г. сдан властям. Недавно Никольская часовня была передана федосеевской общине.

Утратив к настоящему времени всякое экономическое значение, Преображенское кладбище по-прежнему продолжает играть важную роль в духовной жизни федосеевского и поморского согласий. Сегодня на Преображенском кладбище зарегистрированы три церковные общины. На территории бывшего «женского двора» находится община федосеевского согласия, а на территории бывшего «мужского двора» – община Древлеправославной Поморской церкви и община Московской Патриархии, которые молятся в бывшей соборной Успенской часовне, разделенной на две части. С середины 1990-х гг. властями было начато поэтапное возвращение некоторых построек федосеевской общине.

2.10. Рогожское кладбище

Одновременно с Преображенским было основано в Москве Рогожское кладбище. Как и Преображенское кладбище, эта земля также была отведена для погребения умерших во время чумы 1771 г. московских старообрядцев, но только приемлющих священство, когда были закрыты прежние места старообрядческих погребений. Новое место представляло собой поле, находившееся справа от Владимирской дороги. С тех пор за Рогожской заставой стали хоронить священников, попечителей и прихожан московских старообрядческих общин поповцев. С разрешения императрицы Екатерины II здесь были выстроены один за другим два старообрядческих храма (летний и зимний), богаделенный дом, и постепенно образовался целый поселок, огороженный высоким забором. Население его составляли старообрядцы, приемлющие священство, среди которых было немало богатых промышленников и купцов. Богослужение в рогожских храмах совершалось священниками, перешедшими в старообрядчество из господствующей церкви.

В царствования Екатерины II и Александра I власти проявляли равнодушие к религиозной жизни старообрядчества. До 1823 г. в некоторых правительственных учреждениях (в московской духовной консистории, канцеляриях Министерства внутренних дел и московского генерал-губернатора) не было официальных сведений о Рогожском кладбище, существовавшем уже полстолетия, хотя о нем, разумеется, всем было известно.

Со времени восшествия на престол Николая I для старообрядцев вновь наступили тяжелые времена. В ноябре 1827 г. императорским указом было строго воспрещено принимать для службы в храм Рогожского кладбища новых священников, а с 1834 г. священникам из других мест было запрещено не только служить, но даже появляться на Рогожском кладбище. Этими и многими другими запрещениями (переезжать с места на место, ремонтировать храмовые постройки и пр.) правительство стремилось к полной ликвидации старообрядчества. Репрессии побудили старообрядцев искать возможность учредить архиерейскую кафедру за границей. Большую часть расходов по поискам святителя взяли на себя прихожане Рогожского кладбища купцы Рахмановы. После учреждения в 1846 г. белокриницкой иерархии преемник митрополита Амвросия, митрополит Кирилл, поставил в 1853 г. во Владимир архиепископа Антония, который впоследствии стал первым архиепископом Московским и всея России и с 1862 г. имел резиденцию на Рогожском кладбище.

К старообрядческой иерархии русское правительство отнеслось крайне враждебно. Гонения на старообрядчество, в частности правительственное распоряжение, по которому старообрядцам с 1855 г. запрещалось записываться в купеческое сословие (что влекло за собой выполнение рекрутчины и лишение сословных привилегий), вынуждали некоторых старообрядцев изменять старой вере и переходить в единоверие.

В 1854 г. в единоверие перешел кладбищенский священник Петр Русанов. В скором времени за ним последовали некоторые из прихожан во главе с Сапелкиным, Аласиным и другими. Воспользовавшись этим, власти насильно, «без всякой церемонии» отобрали у старообрядцев Никольский храм, а 23 сентября 1855 г. митрополит Московский Филарет (Дроздов) «освятил» его как единоверческую церковь под тем предлогом, что отступники якобы имеют право на часть кладбища. Отступившие в единоверие слали донос за доносом о том, что на кладбище водворились и тайно служат попы «австрийского поставления». По настоянию Филарета казенный смотритель кладбища совсем запретил старообрядцам совершать в часовнях богослужение. Хотя это запрещение было вскоре отменено, 7 июля 1856 г., из-за домогательств Филарета, правительство запечатало алтари летнего и зимнего храмов Рогожского кладбища. Никакие хлопоты старообрядцев не помогали. Более того, и после официального удостоверения ложности доносов особой комиссией в 1880 г. алтари по настоянию обер-про-

курора Синода К. П. Победоносцева оставались запечатанными. Они были распечатаны лишь после императорского указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости».

В честь этого события, пришедшегося на празднование Пасхи, старообрядческое духовенство и прихожане со всей России до сих пор ежегодно совершают крестный ход в Неделю святых Жен-мироносиц (второе воскресенье после Пасхи). В память распечатания алтарей в 1912—1913 гг. была воздвигнута и одна из красивейших московских колоколен с храмом во имя Воскресения Христова.

Первая архиерейская служба, которую совершил вернувшийся из ссылки архиепископ Московский Иоанн (Картушин), прошла лишь через полгода – 22 октября 1905 г. Первый разрешенный колокольный звон на Рогожском был слышен 27 июля 1905 г. В это время вокруг храмов началось активное строительство. Ф. Е. Морозова в память о своем сыне Сергее Ивановиче построила трехэтажное здание для больницы, которое использовалось и как дом причта Рогожских храмов. В нем же, на верхнем этаже, помещались келья и покои архиепископа Иоанна. Было построено и еще несколько каменных жилых зданий, а к 1911 г. – здание для Московского старообрядческого института.

Ныне большинство исторических зданий старообрядческого поселка разрушено, в руинах стоит упоминавшееся строение Ф. Е. Морозовой, храм во имя Рождества Христова используется под склад мастерских музеев Московского Кремля и требует реставрации, сохранившиеся дома нуждаются в капитальном ремонте. Здание, где сейчас расположена Митрополия Русской православной старообрядческой церкви, в 1910-х гг. именовалось «гробница при храмах Рогожского кладбища», или попросту «мертвецкая часовня». Оно было перестроено в 1952 г., но до сих пор сохраняет признаки погребальной часовни.

В 1995 г. правительство Москвы приняло решение о создании архитектурного заповедника на месте Рогожского кладбища и о поэтапной передаче исторических владений в пользование Русской православной старообрядческой церкви.

2.11. Малоохтинское кладбище

Малоохтинское кладбище – один из старейших некрополей в Петербурге – принадлежало старообрядцам поморского согласия. Оно было основано еще в 1760 г. (по некоторым данным, даже в 1740) в Охтинской верхней слободе. Тогда же при кладбище возник молитвенный храм во имя Св. пророка Илии. Появление кладбища именно здесь было связано, во-первых, с удаленностью Охты от города, а, во-вторых, с тем, что среди живших здесь в XVIII в. плотников, потомков олончан и архангелогородцев, было много старообрядцев. В 1768 г. Екатерина II издала указ, который давал Малоохтинскому старообрядческому кладбищу официальный статус.

Как отмечают исследователи, «вплоть до начала XX в. кладбища играли огромную роль в жизни старообрядческих общин. Это было связано с тем, что до 1883 г. им было запрещено строить церкви. Большинство существовавших молелен, появившихся главным образом при Екатерине II, возникли явочным порядком и в любой момент могли быть закрыты. Между тем прямого запрета на устройство кладбищ не существовало. В результате у старообрядцев именно кладбища (прежде всего Преображенское и Рогожское в Москве) стали конфессиональными центрами. При них основываются молитвенные дома и целые скиты-монастыри, богадельни, столовые, другие благотворительные учреждения, книгописные и иконописные мастерские. Вместе с тем заупокойный обряд и кладбищенское благолепие были для старообрядцев принципиально важны. С кладбищем была связана и мирская сторона жизни старообрядческих общин. Сюда стекалась коммерческая информация со всех концов России, здесь предприниматель-старообрядец всегда мог найти себе приказчиков и рабочих из среды единомышленников или получить кредит из кладбищенского капитала»⁴¹.

Малоохтинское кладбище в XIX в. играло значительную роль в жизни петербургских поморцев. Еще в 1792 г. на деньги купца М. И. Ундозерова на кладбище была построена каменная моленная с высоким куполом и колокольной, в 1802 и 1809 гг. прирезаны дополнительные участки, появилась богадельня, а позже и больница. В 1820-е гг. при кладбище без видов на жительство жило около 150 человек, в том числе управляющий, казначей, два приказчика, три повара, три дворника, староста, четыре псаломщика и до двадцати певчих. При моленной на кладбище жил известный публицист и историк старообрядчества Платон Львович Светозаров (псевдоним – Павел Любопытный) (1772—1848), составивший «Трогательный, важный, истины и благочестия исполненный Исторический словарь 86 отменных и важных мужей староверческих церквей» и «Важный и занимательный, духом истины и благочестием озаренный... каталог, или библиотеку писателей староверческой церкви».

Соседями поморцев по Малоохтинскому кладбищу были федосеевцы, которые еще с 1762 г. владели его частью и имели здесь свою моленную и богадельню. Поскольку федосеевцы были достаточно радикальным согласием и считали светскую власть порождением антихриста, не молились за царя, отвергали брак, не допускали контактов с приверженцами господствующей церкви, то с началом очередных николаевских гонений 1840-х гг. они пали их первыми жертвами. Соседство поморцев с федосеевцами послужило непосредственным поводом к закрытию Малоохтинского кладбища. В 1850 г. обе моленные были запечатаны, а два года спустя власти запретили старообрядцам хоронить на кладбище. Призреваемых в охтинских богадельнях перевели в богадельни Волковского кладбища, оказавшегося единственным действующим старообрядческим кладбищем Петербурга.

Малоохтинское кладбище 12 лет стояло беспризорным. В 1864 году по личному повелению императору там было позволено похоронить ревностного поморца Д. А. Куликова,

⁴¹ Лурье Л. Я., Кобак А. В. Малоохтинское кладбище // Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 418.

а в 1865 году кладбище вернули в управление старообрядцам. Трудями назначенных попечителей А. П. Орловского, А. Д. Пиккиева, В. И. Миронова и И. П. Михайлова при участии многих староверов оно быстро было приведено в прежний благоустроенный вид. Однако богадельни не вернули, и тогда один из попечителей кладбища И. П. Михайлов купил вблизи от утраченного храма участок земли, построил каменный двухэтажный дом со службами и учредил в нем бесплатный лечебный пункт, а в 1873 году преобразовал его в богадельню для староверов с надлежащим уставом и устроил при ней благолепную моленную во имя Св. Илии Пророка.

Моленная при богадельне И. П. Михайлова (будучи фактически поморско-федосеевской) просуществовала до 1919 года, когда советской властью все дома призрения были «национализированы». Прекрасный иконостас моленной удалось тогда перенести в поморский храм Знамения на Тверской улице, д. 8, где для него была специально оборудована отдельная моленная на втором этаже, и он сохранялся там до закрытия храма в 1933 году.

На несколько лет позже Малоохтинского кладбища (в 1768 г.) возник второй центр петербургских поморцев – молитвенный дом с подворьем и школой на Моховой улице, основателем которого был купец Иван Феоктистович Долгов (1734—1799). Он дал деньги на строительство моленной, освященной в честь Знамения Богородицы, и приобрел для нее редкие иконы и книги. Долговы поддерживали тесную связь с Выговской обителью вплоть до ее разорения, поддерживали обитель материально, некоторые из их рода были и погребены на Выге. В Долговской моленной поддерживался поморский порядок богослужения. По духовному завещанию И. Ф. Долгова, написанному в 1798 году, все его владения на Моховой улице перешли в полную собственность Выголексинского общежития и таким образом в Петербурге образовалось единственное на всю Россию подворье Выголексинской киновии с храмом Знамения Пресвятой Богородицы. Канцелярия генерал-губернатора составила в 1818 году план владений киновии на Моховой улице и выдала его Подворью. В 1803 году из Выголексинской киновии на петербургское подворье прибыл со «ставленной грамотой», подписанной киновиярхом Андреем Дементьевичем, известный деятель староверия Феодор Петрович Бабушкин. Отец Феодор Петрович управлял подворьем 26 лет и, отбыв в 1829 году в киновию, был избран там в 1830 году киновиярхом. Он любил церковное благолепие и много трудился над украшением храма. При нем был возведен купол и устроен звон. В сороковых годах гражданская власть, получив клеветнический донос, образовала для осмотра «Долговского храма комиссию, в состав которой вошли два священника господствующей церкви. В акте осмотра храма этой комиссией значится, что не только не найдено ничего богохульственного, но наоборот признано, что такого церковного благолепия нет ни в одной из петербургских церквей.

1836 и 1837 гг. были особенно тревожны и горестны как для киновии, так и для староверия в целом. На Выгу начались притеснения, а в Петербурге повелением Николая I духовное завещание И. Ф. Долгова было объявлено не имеющим силы, и все имущество завещателя должно было перейти от киновии к «наследникам по закону», т. е. к родственникам. Суд в 1839 году признал единственной наследницей внучку сестры И. Ф. Долгова – Наталию Кузьминичну Галашевскую, которая душой и сердцем была предана киновии, часто бывала на Лексе, много занималась там благотворительной деятельностью и подолгу проживала. В 1841 году Галашевская нотариальным актом продала дом подворья (наб. Фонтанки, 24) прихожанину храма, купцу Дмитрию Назаровичу Пиккиеву. Несмотря на смену юридических владельцев, богослужения продолжались здесь непрерывно. Долговская моленная оставалась главной моленной города, вмещающая по большим праздникам до 500 человек.

Однако в 1854 году в храм нагрянула полиция и под предлогом того, что производится незаконный ремонт, опечатала его, а вскоре затем все иконы, книги и утварь были вывезены и сложены в подвале Александро-Невской Лавры. При закрытии было изъято пятьсот четыре (!) иконы старинного письма в серебряных, украшенных драгоценными камнями, окладах. Когда примерно через год Д. Н. Пиккиеву удалось доказать, что все имущество закрытого

храма принадлежит ему лично, оно было ему возвращено, но очень многого, самого ценного не досчитались. Все уцелевшее было устроено в небольшом высоком помещении рядом с бывшим храмом, и владельцу разрешено было иметь тут домашнюю моленную для своей семьи и родственников.

К сожалению, охладевшие к старой вере внуки Д. Н. Пиккиева по его кончине почувствовали себя собственниками принадлежавшего общине здания, и общественное управление, еще продолжавшее сохраняться, стало все труднее и труднее осуществлять, а под конец – и вовсе невозможно.

2.12. Волково кладбище

Волково кладбище в Санкт-Петербурге послужило местом упокоения многих столичных староверов-беспоповцев. Волковская богадельня возникла в 1777 году по почину старообрядцев федосеевского согласия, получивших на Черной речке вблизи кладбища господствующей церкви место для погребения. Уполномоченные петербургских федосеевцев – купцы Дмитрий Воробьев и Петр Волков – основали в этом году кладбище и построили деревянный молитвенный дом. В 1784 году на средства, собранные путем пожертвований, старообрядцы возвели каменный молитвенный дом и при нем каменное здание под богадельню для призрения престарелых и увечных старообрядцев. В 1807 году, с разрешения правительства, кладбище было расширено и были сооружены каменные здания для призрения лиц женского пола. Так постепенно, на добровольные пожертвования создавалась Волковская богадельня. Управлялась она самими старообрядцами через выбранных ими лиц. Самоуправление существовало с 1777 по 1847 год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.